

CHICAGO, Ill., THURSDAY,
WITH SUNDAY MORNING EDITION

«Я СЛЫШАЛ, ТЫ КРАСИШЬ ДОМА»

ЧАРЛЬЗ БРАНДТ

It was a case of...

Исповедь
киллера мафии
«Ирландца»

Чарльз Брандт

**«Я слышал, ты красишь
дома». Исповедь киллера
мафии «Ирландца»**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

Брандт Ч.

«Я слышал, ты красишь дома». Исповедь киллера мафии
«Ирландца» / Ч. Брандт — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-04-091063-2

«Я слышал, ты красишь дома» – на языке мафии это выражение означает «Я слышал, ты умеешь убивать людей», а под «краской» подразумевается кровь. Это тот редкий случай, когда боссы мафии признали книгу о себе правдивой – штатный киллер одной из «семей» Фрэнк «Ирландец» Ширан рассказал о своей жизни перед самой смертью. Эти истории, затаив дыхание, слушали опытные прокуроры и агенты ФБР. Впервые преступник такого уровня нарушил омерту – закон молчания. Хулиганская юность в годы Великой депрессии, первый запах крови во Вторую мировую, случайное попадание в закрытый мир итало-американской мафии, выход из которого дороже входа – когда тебе нужно выбрать между своей жизнью и жизнью лучшего друга. И все это в легендарную эпоху 50-х в США, когда коррумпированный директор профсоюза Джимми Хоффа владел миллиардами и открыто соперничал с братьями Кеннеди, боровшимися против мафии. Почему был убит президент Кеннеди и почему от этого проиграли все? Кто был прототипом Крестного отца в знаменитом фильме? И что заставило заматерелого убийцу Фрэнка «Ирландца» Ширана прийти к испускающей исповеди?

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-091063-2

© Брандт Ч., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Признательность автора	7
Пролог. «Расс и Фрэнк»	9
Глава 1. «Они не осмелятся»	13
Глава 2. Что это такое	21
Глава 3. Найди себе другого мальчика для битья	25
Глава 4. Университет «Маленький Египет»	29
Глава 5. 411 дней	34
Глава 6. Делал то, что должен	39
Глава 7. Пробуждение в Америке	44
Глава 8. Рассел Буфалино	50
Глава 9. Сыровяленая ветчина с хлебом и домашнее вино	53
Глава 10. Окончательно в центре города	60
Глава 11. Джимми	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Чарльз Брандт

«Я слышал, ты красишь дома».

Исповедь киллера мафии «Ирландца»

Charles Brandt

«I Heard You Paint Houses». Frank «The Irishman» Sheeran and Closing the Case on Jimmy Hoffa

© 2016 by Charles Brandt

© Уткин А., Мордашев Е., перевод на русский язык, 2018

© Издание, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается моей жене Нэнси Пул Брандт, нашим детям и их супругам – Триппу и Эллисон, Мими и Джону, Дженни Роуз и Алексу, и нашим внукам – Мэгги, Джексону, Либби и Александру.

В память о наших родителях – Каролине ДиМарко Брандт, Чарльзе П. Брандте, а также Мэгги и капитане Эрле Т. Пуле.

В память о моих бабушке и дедушке по матери – Розе и Луиджи ДиМарко из итальянской области Марке, которым я обязан всем.

Признательность автора

Хочу поблагодарить мою восхитительную, талантливую, замечательную жену Нэнси, которая подвергла перед отправкой издателю все главы и корректуры тщательной, добросовестной и вдумчивой проверке. Пока я работал над книгой в Нью-Йорке и Филадельфии, Нэнси занималась всем, до чего у меня не доходили руки, оказывала мне поддержку, подбадривала и вдохновляла. Во время наших с ней визитов к Фрэнку Ширану тот молодец на глазах. Также я благодарен нашим детям, всегда готовым помочь – Триппу Виру, Мими Вир и Дженни Роуз Брандт.

Благодарю мою замечательную мать, которая в свои 89 лет готовила мне блюда итальянской кухни, терпела мои выходки и вселяла в меня энтузиазм на протяжении недель бдений перед ноутбуком в ее манхэттенской квартире.

Я признателен Уильяму Дж. Томпсону, моему доброму другу и знаковой фигуре в издательском мире (в свое время он первым издал Стивена Кинга и Джона Гришема), который не жалел времени на консультации со мной в ходе реализации этого проекта.

Мне несказанно повезло, когда Фрэнк Уаймэн из «Группы литераторов» дал согласие стать моим агентом. Фрэнк проявил искренний интерес к сюжету, который многие без долгих раздумий положили бы под сукно; именно ему книга обязана своим названием, именно он помог Фрэнку Ширану избрать верное направление в ходе последнего интервью.

Стоило ныне покойному Нейлу Решену предложить моему агенту связаться с издательством «Стирфорт пресс», как книга неожиданно для нас обрела толкового и деятельного издателя, с которым мы подружились. Спасибо тебе, Нэйл, за то, что направил нас к непревзойденному Чипу Флейшеру и его помощнице Хельге Шмидт.

Спасибо и писателям, таким, как Дэн Молдеа, Стивен Брилл, Виктор Ризель и Джона-тан Квитны, чьи профессиональные и смелые расследования проливают свет на очень многое из истории Джимми Хоффа, в том числе на эпоху, в которую он жил, и на обстоятельства его исчезновения.

Выражаю благодарность отставному специальному агенту ФБР Роберту Э. Гэррити за его деятельность в ходе расследования обстоятельств исчезновения Хоффа. Если бы не он и его коллеги, я не мог бы и мечтать о написании этой книги.

Спасибо всем агентам, следователям и прокурорам, а также их помощникам, благодаря чьим усилиям создавались новости и репортажи, из которых я черпал информацию.

Спасибо моему изобретательному двоюродному брату Кармине Зоззора за то, что он поддерживал меня в рабочем состоянии, когда мне приходилось туго; в особенности когда я ныл, он повторял: «Просто напиши книжку, остальное само сложится».

Воистину, сам Господь наградил меня такой отзывчивой сестрой Барбарой и ее мужем Гарри – четой Голдсмит и их семейством – Денисом, Лаурой-Роуз, Паскалем, Лукасом и Рози.

Огромнейшее спасибо всем моим чудесным друзьям и всей моей семье за поддержку при написании книги и за новое послесловие к ней. Кроме того, я благодарен всем тем, к кому обращался за советами и поддержкой – в частности, Марти Шафрану, Питеру Бошу, Стиву Симмонсу, Джеффу Вайнеру, Трэйси Бэй, Тео Гунду, Джо Пистоне, Лину ДеВеккьо, Элу Мартино, Лесли Литлу, Роланду Делонгу, Колину Дженсену, Эду Гарднеру, Черил Томас, Кэтлин и Джерри Чамейлс. Также я в неоплатном долгу перед Робом Сатклиффом.

Благодарю Линн Шафран за ее советы и в особенности за то, что познакомила меня и Нэнси с Тэдом Фьюри. Огромное спасибо тебе, Тэд.

Спасибо моему другу Ури Шулевитцу, титулованному иллюстратору, писателю и художнику, который еще два десятка лет тому назад сподвиг меня стать профессиональным писателем.

Подниму бокал с лимонадом за моего покойного дядю из Сассано, профессора Фрэнка Зоззора, пестовавшему меня не только во время учебы в университете Делавера, но и после его окончания.

И в заключение огромная благодарность моему учителю английского языка в 11-м классе в школе «Стайвисент хай скул» (выпуск 1957 года) Эдвину Хербсту.

Пролог. «Расс и Фрэнк»

В летнем коттедже у озера, в комнате, заполненной плачущими и встревоженными членами семейства Джимми Хоффа, агенты ФБР обнаружили желтый блокнот. Блокнот этот лежал у телефона. На блокноте рукой Хоффа было написано карандашом: «Расс и Фрэнк».

Упомянутые «Расс и Фрэнк» были закадычными друзьями и верными соратниками Хоффа. Высокотелый мускулистый здоровяк Фрэнк проявил себя вернейшим союзником и другом Джимми в пору конфликтов того с законом и с Бобби Кеннеди, и Хоффа считал его членом своей семьи.

В тот день собравшиеся у озера члены семьи в глубине души считали, что вечно опасающийся врагов и по сему недоверчивый и осторожный Джимми мог допустить к себе лишь самых преданных, то есть тех, кто в конечном итоге с ним и расправился. Именно тогда «Расс и Фрэнк», то есть инфорсер¹ Фрэнк Ширан (он же Ирландец) и его крестный отец Рассел Буфалино (он же Макги), открыли список главных подозреваемых в деле самого сенсационного исчезновения в истории Америки.

Нет такой книги или исследования на тему исчезновения Хоффа, где бы не утверждалось, что именно Фрэнк Ширан (Ирландец), всегда и во всем поддерживавший Джимми в профсоюзе «Тимстеров»², выступил против своего ментора и друга. Утверждается, что именно Ширан был главным заговорщиком и преступником, на глазах которого и расправились с Хоффа, и что убийство было задумано и осуществлено Расселом Буфалино (Макги). В списке книг на эту тему есть и кропотливые исследования, такие, как «Войны, которые вел Хоффа» Дэна Молдеа, «Тимстеры» Стивена Брилла, основателя телекомпании «Court TV», «Хоффа» профессора Артура Слоуна.

7 сентября 2001 года, то есть спустя 26 с лишним лет после загадочного исчезновения, член семьи Хоффа, находившийся в тот страшный и тяжелый день в коттедже у озера вместе с сестрой и матерью, созвал пресс-конференцию. Это был сын Джимми Хоффа, Джеймс П. Хоффа, президент профсоюза дальнбойщиков «Тимстеры». Он решил проинформировать о новом повороте в деле исчезновения его отца. ФБР объявило о том, что подвергнутый анализу ДНК волос, обнаруженный агентами в автомобиле, который давно считался использовавшимся при преступлении, действительно принадлежал Джимми Хоффа. Корреспондент «Фокс Ньюс» Эрик Шон спросил Джеймса, могли ли главные подозреваемые обманым путем вынудить его отца сесть в этот автомобиль. Просмотрев список подозреваемых, Джеймс Хоффа отрицательно покачал головой: «Нет, отец никого из этих людей не знал». На вопрос Эрика Шона о том, мог ли Фрэнк Ширан заманить его отца в упомянутый автомобиль, Джеймс кивнул в знак согласия: «Вот с ним он сел бы в эту машину».

В заключение пресс-конференции Джеймс высказал пожелание о том, чтобы попытаться поставить точку в расследовании этого дела на основе «признания умирающего». На момент пресс-конференции Фрэнк Ширан оставался единственным живым из всех первоначально проходивших по делу в качестве подозреваемых и в том возрасте, который уже давал основания для «признания умирающего». Пресс-конференция состоялась всего за 4 дня до трагических событий 11 сентября 2001 года, после чего запланированное участие Джеймса П. Хоффа в шоу Ларри Кинга было отменено.

Месяц спустя, когда история Хоффа была потеснена с первых страниц газет, единственная дочь Джимми Хоффа, судья Барбара Крэнсер, позвонила Фрэнку Ширану из сво-

¹ Инфорсер – член гангстерской банды, функцией которого является принуждение к выполнению ее требований или приведение в исполнение ее приговоров. – *Здесь и далее примечания переводчика в виде сносок.*

² Тимстер – водитель-дальнбойщик.

его офиса в Сент-Луисе. Судья Крэнсер вполне в духе своего легендарного отца немедленно перешла к делу и попросила Ширана без утайки поведать ее семье обо всем, что ему известно об исчезновении отца. «Решитесь, наконец», – попросила она. Но Ширан, следуя советам своего адвоката, так ни на что не решился, лишь учтиво посоветовав ей обратиться опять же к его адвокату.

Это был уже не первый раз, когда судья как устно, так и письменно взывала к чувствам Ирландца в попытке выудить из него секреты. 6 марта 1995 года Барбара писала Фрэнку: «Я твердо верю в то, что есть люди, и немало, до сих пор считающие себя верными друзьями Джеймса Р. Хоффа, и все они знают, что тогда произошло с ним, как и о том, кто стоял за всем этим и почему с ним так обошлись. И мне больно, что до сих пор никто из них так и не признался нашей семье – пусть даже взяв с нас обещание хранить все в тайне, – как же все-таки все было на самом деле. Полагаю, что и вы относитесь к этим людям».

25 октября 2001 года, неделю спустя после телефонного звонка Барбары, Ширан, которому было уже за 80 и который мог передвигаться лишь на ходунках, услышал стук в дверь квартиры на первом этаже, где он проживал. Пожаловали двое молодых агентов ФБР. Оба держались дружелюбно, непринужденно и весьма уважительно с человеком, находившимся на закате жизни. Они надеялись на то, что прожитые годы смягчили его, а возможно, и заставили раскаться в содеянном. А пришли они по поводу вышеупомянутого «признания умирающего». Они сказали, что, дескать, слишком молоды, чтобы помнить об этом событии, зато прочли больше тысячи страниц дела. Визитеры не скрывали, что они в курсе его телефонного разговора с Барбарой; более того, заявили, что даже обсуждали это с ней. Но, как это уже повелось с 30 июля 1975 года, Ширан печальным голосом посоветовал им обратиться к его адвокату, бывшему окружному прокурору Филадельфии Эммету Фицпатрику, эсквайру.

Так и не сумев склонить Ширана к «признанию умирающего» и сотрудничеству, ФБР 2 апреля 2002 года заявило о том, что дело, насчитывавшее 16 000 страниц, было передано окружному прокурору Мичигана, а 1300 страниц из него – в СМИ и двум детям Джимми Хоффа. Выдвижение обвинений на федеральном уровне не предполагается. В конце концов, даже ФБР по прошествии без малого 27 лет оставило все попытки докопаться до истины.

3 сентября 2002 года, то есть год спустя после пресс-конференции Джеймса Хоффа, прокуратура округа Мичиган также решила закрыть дело, выразив «самые искренние соболезнования» детям Хоффа.

Заявив об этом решении СМИ, окружной прокурор Мичигана Дэвид Горсика, в частности, сказал: «Увы, но все это очень походит на детективный роман без заключительной главы».

Мне приходилось слышать такое и в адрес моей книги «Я слышал, ты красишь дома», что, мол, и она – «детективный роман». Это детектив, но никак не роман. Это история, рассказанная в форме личных бесед с Фрэнком Шираном, большинство из которых было записано на пленку. Первое такое интервью состоялось в 1991 году на квартире Ширана вскоре после того, как нам с моим коллегой удалось выхлопотать для Ирландца досрочное освобождение из тюрьмы по причине ухудшившегося здоровья. Вскоре после самого первого интервью в 1991 году Ширан, догадавшись, что беседа с ним очень уж походит на допрос, наотрез отказался сотрудничать с нами. И выразил мне явное недовольство. Я попросил Ширана связаться со мной, если он все же изменит свое отношение.

В 1999 году дочери Ширана организовали встречу их престарелого и к тому времени немощного отца с монсеньором³ Эльдусором из церкви Святой Доротеи в Филадельфии.

³ Монсеньор – в англоязычных странах: обращение к удостоенным особых наград или почестей священнослужителям церквей.

Встреча эта состоялась, монсеньор даровал Ширану отпущение грехов и, как следствие, возможность захоронения на католическом кладбище. Фрэнк Ширан признался мне: «Верю в то, что смертью все не заканчивается. И если все так, не хотелось бы упустить свой шанс. Так что лучше попытаться».

Вскоре после аудиенции у монсеньора Ширан встретился со мной. По его желанию я пришел в контору его адвоката. На той встрече он заявил о готовности ответить на все мои вопросы. Наши встречи продолжались в течение пяти лет. В ходе этих интервью мне пришлось вспомнить о навыках, приобретенных в бытность мою обвинителем по делам об убийствах, выносившим смертные приговоры, преподавателем, читавшим студентам курс по перекрестным допросам, и автором нескольких статей на тему правила Верховного суда США о непринятии доказательств, полученных незаконным путем, затрагивавшим вопросы признаний.

«Ты – самый въедливый из всех копов, с которыми мне приходилось иметь дело» – так однажды заявил мне Ширан.

Я потратил бесчисленное количество часов на общение с этим Ирландцем, на встречи с предполагаемыми гангстерами, побывал в Детройте на месте исчезновения Хоффа, съездил в Балтимор и побывал в двух местах, где Ширан обстригал свои тайные делишки, встречался с адвокатом Ширана, его семьей и друзьями – и все ради того, чтобы поближе узнать того, кого я интервьюировал. А сколько я провисел на телефоне, сколько времени ушло на личные встречи, в ходе которых я тщательно отбирал материал для будущей книги!

Зачастую мне приходилось вновь и вновь убеждаться в верности золотого правила любого расследования: преступник стремится к признанию, даже если он все отрицает. Это как нельзя лучше подходило и к Фрэнку Ширану. Второе правило – дай допрашиваемому выговориться. И это никогда не было проблемой в ходе моих интервью с Ирландцем. Пусть говорит, правда рано или поздно выплывет.

Какая-то часть натуры Фрэнка Ширана страстно желала признания во всем, и достаточно давно. В 1978 году возникла ситуация, когда Ширан, будучи в состоянии опьянения, признался во всем Брилли, автору книги «Тимстеры». Во всяком случае, в ФБР считали именно так и настаивали на выдаче Брилли магнитофонных записей. Дэн Молдеа, автор книги «Войны, которые вел Хоффа», написал в одной из статей, что однажды во время завтрака в отеле Брилл рассказал ему о том, что, дескать, располагает записью признания Ширана. Однако Брилл, видимо, из опасений угодить в свидетели, нуждающиеся в защите, решил публично опровергнуть это в «Нью-Йорк таймс».

В соответствии с этим в ходе этих изнурительных интервью автор все же предпринял попытку сохранить за Шираном право оспорить сказанное им и не позволить суду истолковать его слова как официальное признание в содеянном.

После того как книга была закончена, Фрэнк Ширан поглавно прочел и одобрил ее. Потом перечитал ее вновь и одобрил всю рукопись в целом.

14 декабря 2003 года Фрэнк Ширан умер. За полтора месяца до смерти на последней стадии болезни он дал мне последнее интервью уже на больничной койке. Он сообщил мне, что исповедовался у пастора и получил от него отпущение грехов. Намеренно избегая обтекаемых юридических терминов, Фрэнк Ширан в этот «момент истины» смотрел прямо в объектив камеры. Держа в руке экземпляр этой книги, он подтвердил все, что в ней написано, и свою роль в произошедшем 30 июля 1975 года с Джимми Хоффа.

На следующий день, может, чуть позже, но до того, как Фрэнк Ширан окончательно впал в беспамятство, он попросил меня вместе с ним обратиться с молитвой к Господу.

Все сказанное Фрэнком Шираном автор отдает на суд общественного мнения читателя, которому в контексте истории минувшего века и предстоит вынести свой вердикт.

Стержень повествования – неповторимая и захватывающая биография Фрэнка Ширана. Этот умный ирландец, воспитанный в строгом католическом духе, был трудным ребенком Великой депрессии, закаленным в боях героем Второй мировой войны, высокопоставленным функционером «Международного братства дальнобойщиков», тем, кого в контексте «Закона об инвестировании полученных от рэкеты капиталов» Руди Джулиани назвал «сообщником» главарей «Коза Ностры» (одним из всего двух не итальянцев в списке 26 боссов и андербоссов Боннано, Дженовезе, Коломбо, Луккезе, а также преступных семей Чикаго и Милуоки). Его называли и опасным уголовником, и инфорсером, он был известен и как верный друг и любящий отец четырех дочерей и дед.

Именно потому, что, кроме всего дурного, в жизни Фрэнка Ширана были и светлые моменты, я решил присоединиться к тем, кто нес зеленый ирландский гроб, обернутый американским флагом.

Это финальная часть трагедии Хоффа, преступления, затронувшего всех и каждого, кто был с ним связан, включая и тех, кто совершил его. Преступления, которое сильнее всех ранило его семью, изо всех сил пытавшуюся добиться ясности в вопросе обстоятельств его гибели.

Примечание автора. Отдельные фрагменты интервью в этой книге помечены кавычками – это расшифровка интервью Ширана. Часть текста и некоторые главы книги вышли из-под пера автора и содержат ряд критических замечаний и пояснений.

Глава 1. «Они не осмелятся»

«Я спросил у моего босса Рассела Макги (Буфалино): может, мне стоит позвонить Джимми в его дом в Лейк Орионе? Цели мои были самые мирные. Я лишь пытался тогда отвлечь Джимми от того, что произошло с ним.

Я дозвонился до Джимми в воскресенье днем 27 июля 1975 года. А исчез Джимми во вторник, 30 июля. Так сказать, отправился в Австралию. Печально все это, потому что мне будет не хватать моего друга до тех пор, пока я не последую за ним.

Звонил я в его домик в Лейк Орион под Детройтом по междугородному телефону из своей квартиры в Филли. Будь я в курсе дела в то воскресенье, я воспользовался бы телефоном-автоматом, а не своим домашним. Я бы не протянул столько лет, если бы обсуждал серьезные вещи по домашнему телефону. А меня не пальцем делали – папаша мой обрюхатил маму, чем и как полагается.

Пока я стоял на кухне у моего дискового настенного аппарата, готовясь набрать номер, который знал наизусть, я раздумывал, с чего начать разговор с Джимми. По опыту переговоров, когда я был в профсоюзе, я знал, что сначала не худо бы прокрутить в голове то, что ты собрался сказать, а уж потом и рот раскрывать. К тому же разговор предстоял нелегкий.

Когда Джимми, выйдя в 1971 году из тюрьмы по президентскому помилованию Никсона, стал оспаривать запрет на свое президентство в профсоюзе, с ним стало сложно разговаривать. Такое иногда случается с теми, кто выходит на волю. Джимми в ту пору удержу на язык не знал – и по радио, и по телевидению, и в газетах. Стоило ему рот раскрыть, как он тут же принимался рассуждать, как он еще покажет мафии и выставит всех этих тварей из профсоюза. Договорился даже до того, что, мол, не позволит мафии запускать руки в пенсионный фонд. Кому понравится, если кто-то там собрался прирезать курицу, которая золотые яйца несет, да еще в твой карман? Сказать, что Джимми слишком уж налегал на критику, значит, ничего не сказать, в особенности принимая во внимание, что это сам Джимми и никто другой протащил этот сброд в профсоюз и, самое главное, допустил до пенсионного фонда. И в профсоюз Джимми пристроил меня через Рассела. И меня здорово расстроило, что Джимми подкапывается под моего друга.

Я давно начал тревожиться, еще за девять месяцев до этого телефонного звонка, сделанного по разрешению Рассела. Джимми тогда вылетел в Филли выступить главным оратором в «Казино Латин» на вечере в честь Фрэнка Ширана. Там было 3000 приглашенных – близкие друзья, родственники, сам мэр, окружной прокурор, ребята, с которыми я вместе воевал, певец Джерри Вэйл, танцовщицы «Голддиггер Дэнсерс» с ногами от ушей, да и полно других гостей, которых ФБР записало бы в «Коза Ностру». Джимми преподнес мне золотые часы, инкрустированные бриллиантами. Потом, обведя взглядом публику с возвышения в зале, заявил: «Вот уж не думал, что ты так силен». Из его уст это прозвучало странновато, ибо Джимми Хоффа был одним из двух величайших людей, с которыми мне довелось встретиться в жизни.

Еще не успели подать стейки, мы еще только фотографировались, как вдруг одно из ничтожеств, с которым Джимми отбывал срок, возьми да попроси у него десять кусков на бизнес. Джимми сунул руку в карман и выдал ему две с половиной штуки. Таков был Джимми – добрая душа.

Разумеется, присутствовал и Рассел Буфалино. Он – второй величайший человек, которого я знал. Джерри Вэйл спел любимую песенку Расса «Spanish Eyes» лично для него. Рассел был боссом семьи Буфалино с севера Пенсильвании, большей части штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и Флориды. Резиденция у него была не в самом Нью-Йорке, поэтому он не входил в пятерку главных нью-йоркских семейств. Но все равно все эти семейства обращались

к нему за советом. Если подворачивалось важное дельце, которое непременно надо было проверить, его поручали Расселу. Его уважала вся страна. Когда в нью-йоркской парикмахерской застрелили Альберта Анастасиа, семья поручила Расселу присматривать за делами до тех пор, пока они не утрясли все вопросы. Трудно представить себе того, кого уважали бы больше, чем Рассела. Он был очень влиятельным. Широкой общественности он был неизвестен, но все семьи и федералы⁴ знали, насколько он влиятелен.

Рассел преподнес мне золотой перстень, изготовленный по его спецзаказу всего для троих – для себя, для своего заместителя и для меня. Сверху на нем была помещена монета в 3 доллара⁵ в окружении бриллиантов. Расса очень ценили в кругах скупщиков драгоценностей и домушников. Он был пассивным компаньоном⁶ в нескольких ювелирных магазинах Нью-Йорка.

Золотые часы, подаренные мне Джимми, я ношу и сегодня, как и подаренный Расселом перстень. А на другой руке у меня перстень с камнями по месяцам рождения дочерей.

Джимми и Рассел были похожи. Мускулов обоим было не занимать, и оба были низкорослыми даже для тех времен. Росс был ростом 174 см, а Джимми примерно 166 см. В те времена я был где-то 192 см, и мне всегда приходилось наклоняться, когда мы разговаривали. Оба были умницы. Они были сильны как физически, так и умственно. В одном они разнились – и это важно: Росс был тихоней и неразговорчивым, никогда не орал, даже если его взбесит. А Джимми, тот с полоборота заводился, так что ему часто приходилось сдерживаться. И еще он обожал известность.

Вечером до банкета в мою честь мы с Рассом переговорили с Джимми. Мы сидели за столиком в ресторане «Бродвей Эдди», и Рассел Буфалино напрямик заявил Джимми Хоффа, чтобы тот прекратил попытки стать президентом профсоюза. Сказал ему, что, мол, кое-кто ничего не имеет против Фрэнка Фицсиммонса, который замещал Джимми, пока тот сидел. Кто именно, сказано не было, но все поняли, что речь шла о людях, которые были рады без проблем получать большие кредиты из пенсионного фонда дальнбойщиков, поскольку уломать этого Фицсиммонса ничего не стоило. Они получали денежки и при Джимми, когда он был при делах, да и Джимми кое-что имел с этого, но все кредиты предоставлялись на условиях Джимми. А Фитца эти ребята нагнули. Впрочем, Фитца ничего, кроме выпивки и гольфа, не интересовало. Думаю, нет смысла растолковывать, сколько денег можно отжать из миллиардного пенсионного фонда.

Рассел тогда сказал:

– Ради чего ты на это нацелился? Деньги тебе вроде как не нужны.

А Джимми ему ответил:

– Дело не в деньгах. Я не позволю Фитцу подмять проф-союз.

После этих посиделок я уже собрался отвезти Джимми обратно в отель «Уорик», когда Росс отвел меня в сторонку и шепнул:

– Поговори со своим другом. Объясни ему, что это такое.

На нашем языке это означало не что иное, как смертельную угрозу.

Уже в «Уорике» я сказал Джимми, что, если он не передумает возвращаться в проф-союз, в таком случае ему неплохо было бы обзавестись телохранителями.

– Если я пойду на это, они достанут мою семью.

– Хотя бы не ходи по пустынным улицам.

– Хоффа никому не запугать. Я намерен сместить Фитца и выиграть эти выборы.

⁴ Федералы (зд.) – сотрудники федеральных служб США.

⁵ (англ. *Quarter Eagle*) – золотые монеты США номиналом в 3 доллара, которые чеканились с 1854 по 1889 год. За все время было отчеканено немногим более 530 тысяч экземпляров. Из-за относительно малого суммарного тиража имеет большую нумизматическую ценность.

⁶ Пассивный компаньон – компаньон, представляющий фирму, но активно не участвующий в ведении дел.

– Ты же понимаешь, что это значит, – сказал я. – Сам Расс велел мне все тебе растолковать.

– Они не посмеют, – рявкнул в ответ Джимми Хоффа, сверля меня взглядом.

Остаток вечера и за завтраком на следующее утро Джимми говорил и говорил, переворачивая все с ног на голову. Если задним числом вспомнить об этом, нервишки у него сдавали, но я не припомню случая, чтобы Джимми показал, что боится. Хотя то, что он услышал от Рассела за столиком «Бродвей Эдди» в вечер перед банкетом, повергло бы в ужас любого храбреца.

А теперь я застыл у телефона у себя на кухне в Филадельфии. Прошло уже девять месяцев с того самого банкета в мою честь. И я собирался позвонить Джимми Хоффа в его домик в Лейк Орион, в душе надеясь, что он за это время все же передумал возвращаться в профсоюз.

– Мы с моим другом отправляемся на свадьбу, – сказал я.

– Я понял, что вы с другом будете на свадьбе, – ответил Джимми.

Джимми понял, что «мой друг» – Рассел; по телефону имена не в ходу. А под свадьбой имелась в виду свадьба дочери Билла Буфалино в Детройте. Билл и Рассел не были родственниками, но Рассел позволил ему называть себя его двоюродным братом. Это помогло Биллу подняться. Он был адвокатом у Тимстеров в Детройте.

У Билла Буфалино был особняк в Гросс-Пойнте с водопадом и бассейном. А через бассейн был перекинут мостик – на одной стороне бассейна женщины, на другой мужчины. Так что можно было обо всем без проблем поговорить. Да и женщинам было не до чьих-то там разговоров, они во все уши слушали популярную песенку – «I Am Woman, Hear Me Roar» – в исполнении Хелен Редди.

– Тебя, как мне кажется, на свадьбе не будет? – спросил я.

– Джозефин не любит, когда люди начинают пялиться, – ответил он.

Джимми не нужно было объяснять. Речь шла о фэбээровской записи телефонного разговора, каким-то образом ставшей известной. На ней кто-то обсуждал якобы имевшую место давнюю внебрачную связь его жены Джозефин со служившим в Детройте солдатом Тони Чимини.

– Да брось ты! Никто в эту ерунду не верит, Джимми. Думаю, не из-за этого ты не хочешь пойти.

– Черт возьми! Они думают, что запугают Джимми Хоффа.

– Все беспокоятся о том, что, мол, ситуация выходит из-под контроля.

– У меня есть способ защитить себя. Есть кое-какие записи.

– Джимми, даже мой друг и тот обеспокоен.

– Кстати, как там дела у твоего друга? – со смехом поинтересовался Джимми. – Рад, что он решил эту проблемку на прошлой неделе.

Джимми имел в виду выигранный Рассом в Буффало процесс по делу о рэке.

– Все у моего друга путем, – ответил я. – Это он надоумил меня позвонить тебе.

Оба этих уважаемых человека были моими друзьями, да и сами они дружили. Рассел познакомил меня с Джимми еще в 50-е годы. В то время мне приходилось думать о своих трех дочерях».

«Я лишился места шофера мясного рефрижератора в компании «Фуд Фэйр», когда они меня застукали – я, так сказать, попытался стать партнером в их бизнесе: воровал говядину и курятину, а потом сбывал в их же рестораны. Работа осталась только временная и уже за рамками проф-союза – замещать заболевших водителей. И кроме того, я давал уроки балльных танцев, а вечерами в пятницу и субботу еще подрабатывал вышибалой в черном клубе «Никсон боллрум».

Иногда выполнял заказы для Расса – не за деньги, просто из уважения. Я никогда не был наемным киллером. Просто ковбоем. Выполнял небольшие поручения. Помогал. Ты помогаешь, и тебе в случае нужды помогут.

Посмотрев фильм «В порту», я подумал, что ничем не хуже этого Марлона Брандо. И сказал Рассу, что, мол, неплохо бы мне влезть в профсоюз. Мы тогда еще сидели в баре в Саут-Филли. Он созвонился с Джимми, который был в Детройте и дал мне трубку. Первое, что я услышал от Джимми: «Я слышал, ты красишь дома». Под этим подразумевалось, что ты приканчиваешь, кого попросят, забрызгивая кровью стены и пол. Я ответил: «Я и по плотницкому делу могу». То есть намек на изготовление гробов, на то, что в случае чего я и от трупа избавлюсь.

После этого разговора Джимми пристроил меня в «Международное братство», где мне платили столько, сколько я еще никогда в жизни не получал, даже с подворованным. И доплачивали на покрытие расходов. Я выполнял поручения и для Джимми, и для Рассела».

— -

«— Значит, это он надоумил тебя позвонить. Ты мог бы звонить почаще. — Джимми пытался сделать вид, что ему все равно. Собирался заставить меня сказать, почему Рассел дал мне разрешение ему позвонить. — Раньше ты звонил все время.

— Об этом я и толкую. Позвоню я тебе, а что мне потом говорить старику? Что ты его не слушаешь? Он привык, чтобы к нему прислушивались.

— Старик будет жить вечно.

— Никто не спорит – он еще спляшет на наших похоронах, – сказал я. — Он очень разборчив в еде. Сам готовит. Мне не позволяет даже поджарить ему яичницу с колбасой, потому что однажды я поджарил ее на сливочном, а не на оливковом масле.

— На сливочном? Я бы тоже тебе не позволил.

— И знаешь, Джимми, старик ест очень умеренно. Всегда предлагает разделить трапезу. Говорит, съешь все, и заболит живот.

— Ничего, кроме уважения, я к твоему другу не питаю, – сказал Джимми. — Никогда его и пальцем не тронул бы. Есть вещи, на которые Хоффа способен из мести за то, что его выставили из профсоюза, но Хоффа и пальцем не тронет твоего друга.

— Я знаю, Джимми, и он тоже тебя уважает. За то, что ты начал с нуля и так поднялся. За все то хорошее, что ты сделал для простых ребят, рядовых членов профсоюза. Он всегда готов подсобить тем, кому в жизни не повезло. И ты это знаешь.

— Так поговори с ним насчет меня. Хочу убедиться, что он ничего не забывает. А Макги я от души уважаю.

Лишь считанные люди называли Рассела Макги. Его настоящее имя было Розарио, но все звали его Расселом. Кто знал его поближе, звали его Расс. Ну а те, кто знал его совсем уж близко, называли его Макги.

— Как я уже сказал, Джимми, уважение взаимно.

— Говорят, свадьба будет еще та, – сказал Джимми. — Итальянцы съезжаются со всей страны.

— Точно. Это хорошо для нас. Джимми, я должен обсудить с моим другом то, как уладить эту ситуацию. Время подходящее. Все на свадьбе. Он настроен очень положительно насчет этого вопроса.

— Это сам старик предложил все уладить или ты? – быстро спросил Джимми.

— Я поднял вопрос, но наш друг очень открыт в этом плане.

— Что он сказал по этому поводу?

— Он очень открыт в этом плане. Сказал, давайте после свадьбы сядем с Джимми у озера. И все, как полагается, утрясем.

– Хороший он человек. Такой вот он, Макги. Вырваться к озеру, а? – Джимми произнес это так, как будто сдержанность вот-вот ему изменит, но сдержался.

– Хоффа всегда стремился утрясти всю эту херню с самого начала.

Джимми тогда все чаще и чаще величал себя Хоффа.

– Лучшего момента не будет, чтобы все утрясти, – весь город соберется на эту свадьбу, все заинтересованные лица, – напомнил я. – Так что уладь все.

– Хоффа с самого начала только и думал о том, как все эту херню уладить! – проорал он в трубку, видимо, на тот случай, если кто-то в Лейк Орион еще его не услышал.

– Джимми, я понимаю, что ты понимаешь, что это необходимо уладить, – продолжал я, – нельзя все так оставить. Знаю, что ты пыжишься, пытаешься что-то там разоблачить. Но думаю, ты все это не всерьез затеял. Джимми Хоффа – не крыса и никогда ею не был, однако... все кругом озабочены. Люди ведь не в курсе, они не понимают, почему ты так сильно расшумелся.

– Черта с два Хоффа не всерьез затеял это все. Погодите, вот Хоффа вернется, просмотрит бумажки профсоюзные, и тогда вы поймете, отчего он так расшумелся.

Я все-таки кое-чему научился от моего старика – не первый день возле него крутился. И по голосу могу понять, что человек затевает. И тогда мне показалось, что Джимми вот-вот сорвется и тогда его уже не удержать. Что я уже не смогу его взнуздать. Джимми был прирожденным профсоюзным переговорщиком и в тот момент был убежден, что силен и что ему есть что предъявить из документов.

– Джимми, вспомни о том деле прошлого месяца. О том джентльмене из Чикаго. Нисколько не сомневаюсь, что все кругом считали его неприкасаемым, и он сам тоже так считал. Его проблема состояла в том, что он позволял себе необдуманные высказывания в адрес наших друзей.

Джимми понимал, о каком «джентльмене» идет речь. Я имел в виду его приятеля Сэма Джанкана (Момо), чикагского босса, которого недавно убрали. Иногда я выступал посланником между Джимми и Момо, всегда передавая все только на словах, никаких записок.

До того как его убрали, Джанкана имел огромный вес в определенных кругах и его имя не сходило с заголовков газет. Момо решил перебраться из Чикаго в Даллас. В его братве был и Джек Руби⁷. Момо владел казино и в Гаване, потом вместе с Фрэнком Синатрой они открыли казино на озере Тахо. Он встречался с одной из сестер-певиц Макгуайр. С Джоном Кеннеди у них была одна на двоих любовница – Джудит Кэмпбелл. Это было в период президентства Джона, когда они вместе с его братом Робертом использовали Белый дом как номер мотеля для интимных встреч. Момо помогал Джону Кеннеди во время избирательной кампании. Только потом Кеннеди всадил ему нож в спину. Ну а Момо решил отыграться на Роберте.

То, кем был Джанкана и в чем он был замешан, нагляднее всего свидетельствует статья в журнале «Тайм», опубликованная за неделю до расправы. В ней говорится о том, что Рассел Буфалино вместе с Сэмом Джанканой по заданию ЦРУ в 1961 году участвовал в подготовке вторжения на Кубу в заливе Свиней, а в 1962 году – в подготовке покушения на Кастро. Если и было что-то, способное свести Буфалино с ума, так это увидеть свою фамилию в газете.

Сенат США официально вызвал Джанкану для дачи показаний под присягой о том, нанимал ли он мафиози для совершения покушения на Кастро. За четыре дня до слушаний в сенате Джанкана был убит в собственной кухне выстрелом в затылок. Убийца еще 6 раз выстрелил ниже подбородка – сицилийский обычай, – чтобы всем было понятно, что убрали

⁷ Джейкоб Леон Рубинштейн (в 1947 г. сменил имя на Джек Леон Руби; 25 марта 1911 г., Чикаго, США – 3 января 1967 г., Даллас, США) – владелец ночного клуба в Далласе, широко известный тем, что 24 ноября 1963 г. застрелил в полицейском участке Ли Харви Освальда, задержанного по подозрению в убийстве президента США Джона Кеннеди. Был приговорен к смертной казни. Приговор был оспорен. – *Прим. ред.*

его за длинный язык. Все выглядело так, будто прикончил его кто-то из своих ближайших друзей – допущенный поджаривать ему колбаски на оливковом масле. Рассел не раз говорил мне: «Если сомневаешься, не сомневайся».

– Наш чикагский приятель мог навредить очень многим людям, даже нам с тобой! – выкрикнул Джимми.

Я вынужден был держать трубку подальше от уха, но все равно было достаточно громко.

– Ему следовало все записывать. Кастро. Даллас. Джентльмен из Чикаго не любил ничего записывать. А эти знают, что Хоффа все записывает. Если со мной что-то случится, записи всплывут.

– Джимми, я не из тех, кто всегда и всем поддакивает. Так что ты уж не говори мне, что, дескать, «они не осмелятся». После того, что произошло с нашим чикагским другом, ты-то уж должен понять, что к чему.

– Знаешь что, ты бы о себе лучше позаботился, мой дорогой ирландец. Ты ведь ближе некуда ко мне, как многие считают. И запомни, что я тебе сказал. Свою задницу прикрой. Себе мордоворотов найми.

– Джимми, ты ведь понимаешь, что пришло время сесть и все обсудить. Старик протягивает руку помощи.

– Вот с этим я согласен.

Джимми, будучи опытным переговорщиком, знал, когда следует отступить на шаг.

– Вот и прекрасно, – вздохнул я с облегчением. – Мы съездим к озеру в субботу около половины первого. И Джозефин не тревожь, пусть женщины спокойно себе обедают.

– Я буду к половине первого, – пообещал Джимми.

Я не сомневался, что он появится именно к половине первого. Что Расс, что Джимми, оба были людьми пунктуальными. И дело было не в минутах и секундах, дело было в уважении. Джимми всегда оставлял за тобой 15 минут. Если ты и после этого не приходил, встреча считалась несостоявшейся. Каким бы крутым ты ни был. Или ни считал себя.

– Тебя будет ждать ирландский банкет, – пообещал он. – Бутылка «Гиннеса» и сэндвич с болонской копченой колбасой.

И Джимми вот еще что сказал:

– Только вы двое, – он не спрашивал, а утверждал, – без малыша.

– По этому пункту нет возражений. Малыша ты не желаешь.

Не желал? Насколько я знал, в последнее время Джимми желал видеть малыша в гробу. Малышом был Тони Про или Тони Провенцано, мафиозо, капо⁸ семьи Дженовезе в Бруклине. Некогда Про был человеком Хоффа, но потом возглавил ту фракцию профсоюза, которая была против его возвращения на пост президента.

Нелады у них с Джимми начались в тюрьме – они даже чуть ли не сцепились в столовой. Джимми отказался помочь Про обойти федеральный закон и получить пенсию в миллион двести тысяч долларов, когда тот оказался за решеткой. А Джимми, невзирая на тюрьму, свой миллион семьсот получил.

Несколько лет спустя, когда оба были уже на воле, они встретились на съезде профсоюза в Майами и попытались уладить разборку, договориться. Но в итоге Тони Про погрозил голыми руками выдрать Джимми кишки и прикончить его внучат. Тогда Джимми уже собрался просить разрешения у Рассела, чтобы тот позволил мне позаботиться о малыше. Поскольку Про был мафиозо, и не просто мафиозо, а капо, на это требовалась санкция Рас-

⁸ Капореджиме (от итал. *caporegime* – глава «команды», также «Капорегиме» или «Капорезиме», часто сокращается до капо) в терминологии итало-американской мафии – представитель одной из высших «ступеней» в криминальной лестнице, который подчиняется непосредственно боссу криминальной «семьи» или его заместителю. – *Прим. ред.*

села. Но тогда мне никто и словом не обмолвился. Ну, я посчитал это просто очередной затеей Джимми, от которой он потом решил отказаться. Будь все всерьез, я бы узнал обо всем в тот же день. Так это обычно делается. Тебе в тот же день сообщают, что ты должен решить вопрос.

Тони Про сидел в профсоюзном отделении в Северном Джерси, там, где место действия сериала «Клан Сопрано». Мне нравились оба его брата, Нанц и Сэмми, хорошие ребята. А Про я никогда не любил. Он ни за что ни про что мог отправить на тот свет. Однажды он так и поступил с одним парнем только за то, что тот набрал больше голосов, чем Тони. Их фамилии были рядом в бюллетене. Про вверху – он рвался в председатели своего отделения, а тот парень стоял ниже, он претендовал на какую-то менее важную должность, уж не помню какую. И когда Тони Про увидел, что тот куда популярнее его, он приказал Салли Багсу и Конигсбергу по прозвищу Нокаут, бывшему боксеру из еврейской братвы, удавить этого парня нейлоновым шнурком. Скверное убийство. Когда федералы пошли на сделку с дьяволом, стремясь по любому обвинению посадить нашу горстку подозреваемых в исчезновении Хоффа, они нашли крысу, давшую показания против Про. За это скверное убийство Про сел пожизненно. И умер в тюрьме.

– Видеть не хочу этого малыша, – заявил Джимми. – Имел я его!

– Ну и работку ты мне подкинул, Джимми. Знаешь, я ведь на Нобелевскую премию мира не претендую.

– Помоги Хоффа уладить эту разборку, и я лично вручу тебе премию мира. И помни – только мы вдвоем. Не забудь.

Я должен был радоваться, что хоть трое из нас соберутся у озера в субботу. Джимми так и пометил в своем желтом блокноте, который всегда держал рядом с телефоном: «Расс и Фрэнк».

На следующий день был понедельник, 28-е. Моя вторая жена, Айрин, мать Конни, самой младшей из четырех моих дочерей, разговаривала по своему номеру с подружкой. Они решали, что Айрин надеть на свадьбу. И тут раздался звонок по моему номеру.

– Это Джимми, – сообщила Айрин.

ФБР записывало все эти междугородние разговоры. Однако Джимми об этом мало задумывался, когда в открытую грозился все рассказать. Подобные угрозы мафии трудно пропускать мимо ушей. Разве что какое-то время. Не говоря даже о них самих, это неправильно истолкуют нижние чины. Сильна ли верхушка, терпящая людей, ведущих разговоры о стукачестве?

– Когда вы с другом будете? – осведомился Джимми.

– Во вторник.

– То есть завтра?

– Именно. Завтра к вечеру.

– Ладно. Позвони, когда приедете.

– Конечно! Как только будем в Детройте, я тут же позвоню тебе из уважения.

– У меня встреча в среду во второй половине дня, – сказал Джимми. И после короткой паузы добавил: – С малышом.

– С каким это малышом?

– С тем самым малышом.

– Ты не против, если я попрошу тебя пояснить, что так резко изменило твои намерения не встречаться с этим типом?

У меня аж голова закружилась.

– А что мне терять? – спросил Джимми. – Макги поймет, если Хоффа сначала сам попытается уладить свою разборку. Я не против предпринять еще одну попытку до того, как вы заявитесь ко мне в субботу.

– Очень советую тебе прихватить маленького братишку.

Он понял, о чем я: я имел в виду пистолет. Миротворца.

– Так, на всякий пожарный.

– Ты за Хоффа не беспокойся. Не понадобится Хоффа братишка. Мы будем в ресторане, на людях. Тони Джек организовал встречу. В «Ред Фокс» на Телеграф, ты знаешь, где это. Пока.

Энтони Джакалоне, или Тони Джек, был из детройтской братвы. Они близко знали с Джимми. Джимми хорошо знал и жену, и детей Энтони. Но Тони близко знал не только с Джимми, а с очень и очень многими. Жена Тони Джека была двоюродной сестрой малыша Тони Про. А для итальянцев это не пустяк.

Я могу понять, отчего Джимми доверился Тони Джеку. Тони Джек был отличным парнем. Умер в тюрьме в феврале 2001 года. Газеты на первой полосе писали: «Известный гангстер унес тайну Хоффа в могилу». А ему было о чем рассказать.

Уже давно поговаривали, что после фиаско в Майами Тони Джек пытался организовать еще одну встречу Джимми с Тони Про, однако Джимми эту затею похерил – «большой палец вниз», как у Сискеда с Эбертом⁹. А теперь вдруг он ни с того ни с сего соглашается встретиться с Про, с тем самым Про, который некогда грозился голыми руками выпустить ему кишки.

Задним числом мне кажется, что Джимми собрался тогда организовать Про «путешествие в Австралию». Возможно, Джимми рассчитывал, что Про поведет себя как Про. Тони Джек сидел бы в этом ресторане и убеждался бы, какой, мол, Джимми умница и все такое и какой Про говнюк. Может, на встрече у озера в субботу Джимми хотел убедить Рассела в том, что, дескать, он в отношении Про все перепробовал, но без толку. Потому Про необходимо убирать.

– То, что в ресторане и на людях, это, конечно, хорошо. Может, благодаря этой свадьбе и все вправду договорятся, – сказал я. – Выкурят трубку мира и заруют в землю топор войны. Только мне бы очень хотелось присутствовать для поддержки.

– Ладно, Ирландец, – согласился он, будто пытаюсь меня успокоить, хотя сам у меня спрашивал, когда я буду в Детройте. Едва он меня спросил, когда я приеду, я сразу сообразил, что ему нужно.

– Может, ты все-таки проедешь и встретишься со мной часика в два? Потому что они придут к половине третьего.

– Хорошо, на всякий пожарный. И не сомневайся, своего братишку я прихвачу. Он на самом деле недурной переговорщик.

После этого я тут же позвонил Рассу и поведал ему новость о предстоящей встрече Джимми и Про и что я тоже отправлюсь туда прикрыть Джимми.

С тех пор я много раз прокручивал в голове свой звонок, но не помню, чтобы Расс что-нибудь сказал».

⁹ Юджин (Джин) Сискед и Роджер Эберт – ведущие известного телепроекта, посвященного оценке новых фильмов. Их система оценки фильмов «большой палец вверх – большой палец вниз» вскоре стала очень популярной среди критиков.

Глава 2. Что это такое

«Вечером в тот понедельник мы с моей второй женой Айрин приехали в Кингстон на севере Пенсильвании, что рядом с Уилкс-Барре, отужинать с Рассом, его женой Кэрри и ее овдовевшей старшей сестрой Мэри. Переночевать мы с Айрин думали в отеле «Говард Джонсон», одним из совладельцев которого был Расс. А рано утром во вторник впятером намеревались отправиться в Детройт на моем новеньком «Линкольн Континентале». (Утверждали, что эту машину я приобрел нелегально. Когда нас, восьмерых подозреваемых в исчезновении Хоффа, пытались посадить по любому делу, воспользовались именно этим автомобилем, чтобы в 1981 году упрятать меня за профсоюзный рэкет.)

Поездка должна была занять часов двенадцать – в машине Рассел курить не позволял. Курить Расс бросил на спор с Голубоглазым Джимми¹⁰, еще когда они вместе с Мейером Лански на катере бежали с Кубы, когда в 1960 году Кастро прикрыл их казино, а их самих отправил куда подальше. Тогда по милости Кастро они потеряли по миллиону баксов. И всей душой возненавидели Кастро, в особенности Рассел и двое его ближайших дружков: Карлос Марчелло, босс Нью-Орлеана, и Санто Траффиканте, босс Флориды. Кастро не побоялся посадить Траффиканте в тюрьму. Я слышал, что Сэм Момо Джанкана посылал Джека Руби на Кубу и тот там с помощью денежек пытался вытащить Траффиканте из тюрьмы и с Кубы.

Тогда, на катере, Расс был взбешен и коптил одну сигарету за другой, кляня Кастро во все тяжкие. А Голубоглазый Джимми углядел возможность отжать для себя бабки – поспорил с Рассом на 25 кусков на то, что Расс год не притронется к табаку. Расс выбросил недокурную сигарету за борт и с тех пор больше вообще не курил, даже по прошествии года. Так что Голубоглазому Джимми пришлось отстегнуть ему 25 кусков.

Но дамы в автомобиле предпочитали не заключать друг с другом подобных пари. Нам все время приходилось останавливаться, чтобы дать им возможность для перекуров, что здорово замедлило поездку. Курение – один из грешков, в которых мне не было нужды исповедоваться в детстве. Никогда не начинал курить, даже в войну, даже в Анцио не пристрастился к табаку, где только и оставалось, что резаться в карты четыре месяца кряду да курить.

Еще мы останавливались потому, что Расселу нужно было время от времени давать инструкции по телефону – так было испокон веку, если нам случалось с ним куда-нибудь ехать.

Вечером в понедельник мы с Айрин ужинали с Расселом, Кэрри и ее сестрой Мэри в ресторане «Брутико» в Олд Фордж, Пенсильвания. Расс посещал только те рестораны, которые отвечали его запросам. А так он почти не ел ничего, чего не приготовил бы своими руками.

Если не седина в волосах, никто бы даже не подумал, что Рассу за семьдесят. Такой живчик. Родился он на Сицилии, но прекрасно говорил по-английски. Детей у них с Кэрри не было. Расс, бывало, меня за щеку ущипнет и скажет: «Тебе следовало бы родиться итальянцем». Это он прозвал меня Ирландцем. До этого за мной закрепилось прозвище Чич, то есть Франческо.

Расправившись с главным блюдом – по-моему, нам подали телятину с красным перцем и спагетти маринара, брокколи и салат, – Рассел предложил мне сесть в сторонке и выпить кофе с самбукой¹¹.

¹⁰ Винсент Ало – известный преступник, сотрудничавший с Мейером Лански и членами итало-американской мафии. – *Прим. ред.*

¹¹ Самбука – анисовый ликер.

Тут появился владелец заведения и что-то шепнул на ухо Рассу. Тогда еще переносных телефонов не было, и Расс вынужден был подняться из-за столика и пойти ответить по телефону. Вернулся он с деловым видом. На его круглом, изрытом складками лице застыла улыбка вроде той, когда, прищурясь, пытаешься взглянуть на солнце. У тех, кто видел его впервые, создавалось впечатление, что у него не в порядке один глаз. Так и было – одна из лицевых мышц была повреждена. И вот он уставился на меня сквозь линзы очков здоровым глазом.

Сначала Рассел помолчал, будто обдумывая, что сказать, и продолжая смотреть мне прямо в глаза. Голос у Рассела был довольно скрипучий, и то, что он считал очень важным, он проговаривал тихо-тихо. В тот вечер он чуть ли не шептал – чтобы разобрать, что он говорит, мне приходилось наклонять свою огромную башку чуть ли не вплотную к нему.

– Планы слегка изменились. Завтра мы никуда не едем. Отправимся только в среду утром.

Для меня эта новость была громом среди ясного неба – меня не хотели видеть в том детройтском ресторанчике в среду после обеда. Джимми был им нужен без сопровождающих лиц.

Я так и замер, склонившись к Расселу. Может, еще что-нибудь добавит? Я слушал. Вопросов не задавал. Это продолжалось довольно долго. Может, даже слишком долго, как мне тогда показалось. Наконец Расс заговорил:

– Припоздал твой друг. Теперь уже незачем ни мне, ни тебе встречаться с ним на озере в субботу.

И Рассел Буфалино сверлил меня взглядом единственного здорового глаза. Я откинулся на спинку кресла. Я не мог ничем выдать своего состояния. Я не мог и слова вымолвить. Не та это была ситуация. Чуть что не так – и тогда стены уже моего дома будут в крови.

Джимми предупредил меня, чтобы я был начеку, тогда, в октябре месяце, в отеле «Уорик» в Филли. Он тогда сказал мне: «Свою задницу побереги... А не то сам станешь легкой добычей...» И вчера по телефону он еще раз меня предостерег, что, мол, «кое-кто считает, что я слишком к нему близок...». Взяв чашку, я поднес ее к носу. Принюхался. Мало-вато самбуки. Я долил немного.

Рассу не было нужды напоминать мне, чтобы я и не помышлял названивать сейчас Джимми из отеля «Говард Джонсон», куда мы с Айрин отправились переночевать. С этого момента мне следовало считать, что за мной приглядывают. Причем независимо от того, приглядывали за мной или нет. Рассел был одним из совладельцев этого мотеля. Стоило мне оттуда позвонить, и утром нам с Айрин даже выехать не дали бы. Я бы получил положенное в таких случаях, ну а бедняжке Айрин просто не повезло бы – оказалась бы не в то время и не в том месте рядом с непутевым Ирландцем.

Да и у Джимми не было ни малейшей возможности вызвонить меня. Если ты на прослушке у ФБР, ты никогда не скажешь в трубку, где ты и куда собрался. Не было в ту пору сотовых, не было, и все! Я просто не позвоню Джимми в Детройт вечером во вторник, только и всего. И ему уже не узнать, почему я не позвонил. И он в одиночку отправится на эту стрелку в среду. Без меня и моего маленького братишки – некому будет его поддержать.

Я молча сидел; обе наших дамы о чем-то там рассуждали. Как если бы они сейчас уселись на другой стороне бассейна с водопадом у Билла Буфалино.

Я быстро прогнал в мыслях недавние события. Сразу же после моего звонка Расселу сегодня утром, когда я сообщил ему о звонке Джимми, Рассел связался по телефону с кем-то из серьезных людей. И сообщил им, что я, мол, встречаюсь с Джимми в ресторане и собираюсь прихватить своего маленького братца. Так это было или нет, не могу сказать, но тогда я не сомневался, что теперь эти люди вызвонили Рассу и порекомендовали ему, что,

дескать, лучше будет, если мы на денек где-нибудь задержимся, чтобы они могли застать Джимми одного.

Только вот перед тем, как звонить Расселу, они сами непременно все прогнали в мыслях. Весь день очень серьезные люди в Нью-Йорке, в Чикаго и в Детройте решали, дать мне встретиться Джимми в среду или нет. И один из самых надежных союзников Хоффа отправился бы вместе с Джимми «в Австралию». Какие бы тайны ни доверил Джимми после встречи в ресторане «Бродвей Эдди» в тот же вечер в отеле «Уорик» (и вообще за все эти годы), им было бы суждено вместе со мной уйти в могилу. Однако в конце концов они из уважения к Расселу все же решили вывести меня из игры. И не впервые Рассел вызволял меня из серьезной передраги.

Не важно, каким бы ты ни был крутым или каким бы крутым ни считал себя, если ты перешел им дорожку, нечего и рыпаться – тебя достанут. Придет к тебе, скажем, твой лучший друг заключить пари на выигрыш футбольной команды, и, считай, тебя нет. Как Джанкана, который поджаривал яичницу с колбасками на оливковом масле, повернувшись спиной к лучшему другу.

Не время было сокрушаться насчет Джимми. Но все же я не мог удержаться. Стараясь не показать Расселу, что я собрался выступить в роли спасителя Джимми, я прошептал ему в ухо:

– Федералы взбесятся так, что мало не покажется.

Я старался не заикаться, но не смог преодолеть себя. Расс принял это как должное, в конце концов, я с детства был заикой. Меня не волновало, что он мог заметить, что меня очень уж впечатлила эта ситуация из-за моей близости к Джимми и верности ему и его семье. Наклонившись к Рассу, я, покачивая головой, как китайский болванчик, добавил:

– И это многих заденет. Ты же знаешь, что Джимми подготовил кое-какие бумаги на тот случай, если с ним что-то стряется.

– Твой друг слегка переборщил с угрозами, – пожал плечами Рассел.

– Просто хочу напомнить, что не поздоровится очень многим, если тело все же найдут.

– Никакого тела не будет.

Рассел провел по столу большим пальцем правой руки. Большой и указательный пальцы левой он потерял в молодости. И вот уцелевшим большим пальцем он провел по белой скатерти так, будто желая что-то впечатать в нее.

– Все произошло из праха, и все возвратится в прах.

Откинувшись на спинку, я отхлебнул самбуку с кофе.

– Так, значит, – заключил я.

И, сделав еще глоток, продолжил:

– Стало быть, в среду вечером все и произойдет.

Старина Расс протянул руку и ущипнул меня за щеку, будто поняв, о чем я думал в тот момент.

– Ирландец ты мой! Мы сделали для него все, что могли. Ему никто не смог бы объяснить, что это такое. Мы едем в Детройт в среду вечером.

Я поставил чашку на блюдце, а Рассел, положив свою большую теплую ладонь мне на шею, прошептал:

– Так что поехали. Остановимся в одном месте высадить женщин. А сами свалим – надо одно дельце провернуть.

Ясно, подумал я и кивнул. У Рассы всегда находились дела от Кингстона до Детройта. Высадим наших дам где-нибудь у придорожного заведения и отправимся провернуть дельце, а те пока перекурят и кофейку выпьют.

Рассел склонился ко мне, а я к нему.

– Там будет ждать пилот. Ты быстренько пролетишь над озером и выполнишь маленькое порученьице в Детройте. Потом прилетишь обратно. Заберешь дам. Они и не заметят нашей отлучки. А потом можно не спешить. Спокойненько доберемся до Детройта. Красивые места – куда спешить? Вот что это такое».

Глава 3. Найди себе другого мальчика для битья

«Какими же извилистыми путями судьбы я угодил тогда в итальянский ресторанчик в одном шахтерском городке, где выслушал отданные мне шепотом распоряжения? Распоряжения, которые обязан был выполнить в соответствии с отведенной мне в заговоре против Джимми Хоффа ролью.

Я не был прирожденным мафиозо, как все эти итальянцы родом из Бруклина, Детройта и Чикаго. Я появился на свет в семье католиков-ирландцев из Филадельфии и до демобилизации из армии не совершил ни одного по-настоящему дурного поступка, даже не поднял руку ни на кого из своих обидчиков.

Родился я в непростое время, и не только для ирландцев, а для всех. Утверждают, что Великая депрессия началась, когда мне было 9 лет – в 1929 году. Но насколько я помню, в нашей семье не было денег *никогда*. И в других семьях тоже.

Первыми, кто по мне стрелял, были фермеры из Нью-Джерси. Я тогда был мальчишкой. Филадельфия отделена от Кадмена, штат Нью-Джерси, рекой Делавэр. Оба города родились как океанские порты и соединены мостом Уолта Уитмена. Сегодня, если ехать из Кадмена, не видно ни кусочка незаселенной территории, разве что крошечный парк Виктория, и потому трудно поверить, что в «Бурные двадцатые» тут лежали огороженные участки фермерских земель. Нью-Джерси в сравнении с Филадельфией был просто деревней, тихой деревенькой.

Отец мой, Тони Ширан, брал напрокат старый уродливый автомобиль с подножкой. Он вывозил меня на поля за Кадменом, еще когда я был совсем мал, и высаживал. Сейчас на этом месте располагается аэропорт Кадмена. А тогда я на полях воровал чужой урожай.

Обычно мы выезжали под вечер, пока было еще светло – в это время фермеры возвращались домой к ужину. Я перелезал через ограду и кидал отцу то, что росло на поле – кукурузные початки, или помидоры, или что-нибудь еще созревшее. Набрав достаточное количество этих сельхозпродуктов, мы отвозили их домой.

Фермеры были явно не в восторге от наших рейдов, они не собирались ни с кем делить урожай. Иногда по вечерам они подкарауливали нас с ружьями в руках. Если меня заставляли, то приходилось давать деру, перепрыгивать через ограждение. Иногда в заднице застревала дробь.

Одно из детских воспоминаний: моя мать, Мэри Ширан, вытаскивает засевшие в ягодицах мелкие дробинки и причитает: «Ну почему мне постоянно приходится вытаскивать эту дрянь у Фрэнсиса из задницы?». На что мой отец, который называл свою жену Мэйм, всегда отвечал: «Потому что твоему сыну, Мэйм, нужно бегать побыстрее».

Ростом я пошел в нашу шведскую родню по материнской линии. Ее отец был шахтером и железнодорожным рабочим в Швеции. А брат – врачом в Филадельфии, доктор Хансен его звали. Мать моя была ростом метр семьдесят девять при весе в 90 кг. В день она съедала, наверное, литровую банку мороженого. И я каждый вечер бегал к мороженщику. А у него был такой порядок – приходишь со своей посудой, и он накладывает тебе сколько пожелаешь. Я был постоянным покупателем. А вообще, мать очень любила готовить, даже хлеб сама выпекала. До сих пор помню запах поджаренной свинины, тушеной капусты, вареной картошки. Мать была очень спокойная женщина. Мне кажется, приготовить вкусную еду означало для нее выражение любви к нам.

Родители мои поженились очень поздно – матери было 42 года, а отцу 43, когда я родился. Я был первым ребенком в семье. Мы появлялись на свет с интервалом примерно в год: мой брат был на год и месяц младше меня, а сестра – на год и месяц младше его. Нас

даже окрестили «близнецами по-ирландски» – в католических ирландских семьях детей, как правило, строга́ли ежегодно.

Несмотря на то что мать моя была шведкой, отец воспитывал нас в ирландском духе. Его родственники были откуда-то из-под Дублина, я никогда не видел ни бабушки, ни дедушки, причем не только по отцовской, но и по материнской линии. В те времена люди вообще были куда сдержаннее со своими детьми, не то что нынче. Я до сих пор и не знаю толком, как с нежностью относиться к своим внучатам. Не припомню, чтобы мать даже в щеку кого-нибудь из нас чмокнула – ни меня, ни моего братца, ни сестренку Маргарет. У нас в семье любимчиков не было, однако отец все же больше любил Тома, а мать – Пегги. Мне кажется, так было потому, что я был самым старшим. Даже школьные учителя и те видели во мне старшего в семье и мне это внушали.

Мои родители из кожи вон лезли, чтобы мы выглядели не хуже других детей. Каждый раз на Пасху Тому и Пегги покупали новую одежду, а вот на меня у них, видимо, денег не хватало. Справить детям новый костюм или платье к Пасхе считалось в нашей ирландско-католической общине делом чести. Однажды, когда я стал плакаться отцу, что, мол, мне к Пасхе никогда ничего не достается, он посоветовал мне: «Напяль новую шляпу Тома, а потом высунься в ней в окно, и все подумают, что это твоя».

Не припомню, чтобы у кого-нибудь из нас была своя игрушка. Однажды к Рождеству нам подарили роликовые коньки. Одну пару на всех. Коньки эти можно было подогнать под любую ногу. Так что каким-то образом мы все же приноровились. А если уж нам загорелось занять какую-нибудь вещицу, тут уж следовало самому на нее заработать. В семь лет я впервые устроился подрабатывать – помогал одному соседу выгребать золу из подвала. А если отец узнавал, что я у кого-то там подрабатывать взялся, ну, там косить траву или что-то еще делать, он в день оплаты подкарауливал меня, отбирал монеты покрупнее, а мне оставлял в лучшем случае десятицентовик.

Мы жили в разных католических общинах, но, как правило, в границах одного и того же прихода. Месяц-другой мы жили на одном месте, а когда у отца не было денег заплатить за жилье, мы втихомолку сбегали и устраивались на другом месте. И какое-то время спустя все повторялось. Если отец находил работу, то почти всегда он трудился монтажником на строительстве небоскребов, расхаживал на самой верхотуре по железным стропилам и балкам. Это была опасная работа. Нередко люди срывались вниз и гибли. Он работал и на строительстве моста Бенджамина Франклина в Филадельфии, и на небоскребах, которые иногда строили даже во времена Великой депрессии. Отец был сантиметров на пять ниже матери и весил около 65 килограммов. Долгое время отец не мог никуда устроиться, кроме как церковным сторожем в церкви Девы Марии или дворником в школе в Дерби, Пенсильвания.

Католическая вера всегда была неотъемлемой частью нашей жизни. Без нее никуда. Если спросить, какое хобби было у матери, я скажу – религия. Она была очень религиозной. И я много времени проводил в церквях. Мой отец пять лет проучился в семинарии, пока не бросил это дело. Две его родных сестры были монахинями. Я понимал, что исповедь – способ получить отпущение грехов. Если ты, к примеру, внезапно умрешь по пути на исповедь, ты точно загремишь в ад, где вечно будешь поджариваться на огне. А вот если это случится уже после исповеди, когда святой отец отпустил тебе твои грехи после того, как ты ему о них поведал, тебе уготован рай.

Я был алтарным служкой в церкви Скорбящей Божьей Матери, пока меня не выставили за то, что я решил испробовать на вкус церковное вино. Не хочу ни в чем обвинять другого мальчишку – тоже служку, который донес на меня. На самом деле он никаким предателем не был. Просто его запугали. Отец Мэлли был типом святого отца, которых всегда играл Бинг

Кросби¹². Он, заметив, что вино исчезло, сказал тому мальчишке, что, дескать, вору в рай дорога заказана. Вот он и подумал, что если заложит меня, то непременно окажется в раю после смерти. Но самое скверное во всей этой истории – на вкус церковное вино показалось мне отвратительным.

Что до моего отца, он всему предпочитал пиво. И еще обожал спорить на деньги в лавках, незаконно торговавших спиртным, – предметом спора был я. Он спорил с теми, кто плохо знал нас в каком-нибудь квартале Филадельфии, что, мол, его 10-летний сын легко одолеет любого 14-летнего, а то и 15-летнего мальчишку. И кое-кто из отцов мог на такое повестись – спорил с моим отцом на четвертак (25 центов). И если я побеждал, а такое случалось почти всегда, он был в выигрыше. Ну и мне кое-какие деньжонки доставались. Ну а если на обе лопатки клали меня, то меня ждал крепкий подзатыльник.

Какое-то время мы жили в окружении итальянцев, и мне по пути домой из школы каждый день приходилось драться. Еще в детстве я выучил довольно много итальянских слов, и я кое-что понимал по-итальянски, что здорово помогло мне в период кампаний на Сицилии и в Италии во время войны. А после демобилизации я уже всю болтал по-итальянски. Язык этот я учил в основном в общении с итальянками. Тогда я не понимал, как их впечатляло мое знание их родного языка. Они считали это проявлением к ним особого уважения с моей стороны. И впоследствии мне это здорово помогло в общении с моими итальянскими друзьями, позволило заручиться их доверием и получить их уважение.

Мой отец Томас Ширан был жестким боксером в полусреднем весе и посещал католический клуб «Шэнахэн». Он был во втором полусреднем весе. Много лет спустя уже после войны я тоже записался в этот клуб, но в качестве футбольного игрока. В мои детские годы церковь занималась и нашим досугом. Это было задолго до появления телевидения. Да и радио было у немногих, а в кино из-за нехватки денег тоже бегали не каждый день. Вот люди и приходили в церковь, присутствовали на всех организованных церковью мероприятиях или же участвовали в них. Отец мой очень много сражался на ринге.

Дома он тоже занимался боксом. Если ему казалось, что я в чем-то виноват, он без слов швырял мне боксерские перчатки, но с одним условием – я не мог отвечать на его удары. Отец был лицом неприкосновенным. Ему же позволялось все – и хуки, и удары в челюсть, одним словом, все. Мне только и оставалось, что уворачиваться от его ударов, пытаться блокировать их. О том, чтобы нанести ответный удар, и думать было нечего – я тут же оказался бы на полу. Только мне и никому больше из нашей семьи он не кидал в наказание за провинность боксерские перчатки. Наш Томас-младший (его называли в честь отца) никогда не удостоивался такой чести, что бы ни натворил.

С другой стороны, Том особенно и не проказничал. Как, впрочем, и я. Но у меня всегда были бунтарские замашки. Когда я ходил в школу Девы Марии, я был тогда в седьмом классе, то как-то раз положил на радиатор отопления прихваченный с собой из дому лимбургский сыр. Нагреваясь, сыр таял, распространяя весьма характерный запах. Учителя сообщили об этом моему отцу, работавшему в этой же школе дворником. Он нашел сыр, к тому же меня вновь заложил один из учеников. Ну, мой старик пообещал разобраться со мной дома.

Придя домой, я стал дожидаться отца. Когда он пришел, я уже знал, что он бросит мне боксерские перчатки. Первым его вопросом был: «Ну, как ты предпочтешь? Сначала поешь, а потом выволочка? Или наоборот?» – «Сначала поем», – ответил я, понимая, что после выволочки мне будет уже не до еды. Так и вышло.

Я всегда заикался, да и сейчас заикаюсь, в свои 83 года. Если ты заика, у тебя куда больше конфликтов со сверстниками и, разумеется, драк. Те, кто не знал меня, всегда меня передразнивали, но тут же за это и расплачивались.

¹² Бинг Кросби (1903–1977) – американский певец и киноактер, один из самых успешных исполнителей в США.

Но мы тогда дрались не только по поводу, но и без – просто забавы ради. По пятницам устраивали боксерские поединки. Но били с опаской, не перебарщивая. Собственно, и в настоящем боксе всегда так – хочешь научиться боксировать, рассчитывай и на синяки и шишки. Я подумывал, не податься ли мне в боксеры, но я-то хорошо понимал, что из меня Джо Луиса¹³ не получится, а если не суждено стать чемпионом, на кой дьявол вообще связываться с боксом. Теперь дети гоняют в футбол, есть даже детская футбольная лига. А нам тогда приходилось самим развлекать себя, по-видимому, кроме футбола, у нас никаких развлечений и не было. Тем лучше для нас – приходилось рассчитывать только на себя, и когда стране потребовались солдаты, они из нас получились. Психологически мы были закалены.

Я окончил 8 классов школы Девы Марии, той самой, где, как я уже говорил, мой родитель перебивался дворником и где мне поэтому приходилось держать ушки на макушке. После этой школы последовала другая, где жилось куда вольготнее. В школе «Дерби хай скул» я попал в 9-й класс. Но надолго там не задержался. Однажды на утренней линейке мы хором пели «Дорогу на Мандалай», а наш директор подпевал и дирижировал. И надо сказать, выламывался как самый настоящий эстрадный кривляка. Ну, я и решил спародировать его. Поскольку я был самым высоким, это было нетрудно заметить.

По окончании линейки он вызвал меня к себе в кабинет. Войдя, я тут же уселся на стул перед ним. Директор был довольно высоким, хотя и весил явно меньше меня. Зайдя мне за спину, он отвесил мне крепенький подзатыльник. Это вышло у него ничуть не хуже, чем у моего отца. «Ах ты, жирный хер!» – вырвалось у меня. Я вскочил и въехал ему кулаком в челюсть. Разумеется, меня тут же выперли из этой школы.

Что ждет меня дома, я знал и понимал. У меня хватило времени на раздумья по этому поводу, но больше всего меня поразило то, что я, мальчишка, одним ударом сломал челюсть взрослому мужику.

Отец, кипя от возмущения, с размаху швырнул мне боксерские перчатки. Я успел поймать их, но тут же швырнул их ему.

– Знаешь что, – сказал тогда ему я. – Пора это все кончать.

Мне уже шел семнадцатый год.

– Я ведь тебе ответить не могу, – добавил я. – Ты мой отец. Но лучше найди-ка себе другого мальчишка для битья».

¹³ Джозеф Луис Бэрроу (1914–1981) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в супертяжелом весе.

Глава 4. Университет «Маленький Египет»

«А потом я отправился на карнавал. Начало весны в Филадельфии всегда отмечалось прибытием в город карнавальной группы «Риджент». Прибывшие разбивали палатки на 72-й улице ближе к Айлэнд-авеню. В те времена это был пустырь – поля и поля, поросшие травой. С тех пор как индейцы ушли оттуда, ничего не изменилось. А сейчас там вплотную друг к другу здания представительств автомобильных фирм.

Каким бы крупным городом ни считалась Филадельфия, из-за ее близости к Нью-Йорку она терялась. В штате Пенсильвания принят закон о том, чтобы по воскресеньям бары были закрыты. Воскресенье считалось днем, когда люди должны были идти в церковь, а не торчать в барах. И даже позже, если речь заходила о бейсбольных матчах, команды «Филадельфия филлис» и «Филадельфия атлетикс» встречались по воскресеньям в парке Шайб, и играть им позволялось, только пока было светло. Даже свет на стадионах включать не разрешалось. Много игр из-за сумерек отменялось. И в местных газетах ни слова о том, что происходило в Нью-Йорке – ни о сухом законе, ни о перестрелках гангстеров, ничего. Нетрудно понять, чем для жителей нашего города был карнавал.

После того как меня выставили из школы Дерби, я сменил множество работ – засыпал в мешки крупу и всякую всячину в компании «Пенн фрут» или же, в зависимости от погоды, автостопом добирался в Пэксон, где в местном гольфклубе подавал игрокам клюшки. Жил я по-прежнему с родителями. Но чтобы наскрести на квартплату, приходилось вертеться. Наверное, вся эта беготня и определила мой неутомимый характер.

В то время мы были неразлучны с Фрэнсисом Куинном, Янком. Он был на год старше и уже окончил школу. Несколькоми годами позже он поступил в колледж, а потом пошел в армию, где получил чин второго лейтенанта¹⁴. Войну он повидал – участвовал не в одном сражении во время войны в Европе. Но там мы ни разу с ним не встретились. Потом, уже после войны, мы играли в футбольной команде католического клуба «Шэнахэн». Янк был квотербеком¹⁵.

В один погожий вечерок мы с Янком и долларом на двоих, но без постоянной работы отправились в город поглазеть на ярмарку. Нам повезло – мы нашли работу: организаторы ярмарки взяли нас в турне по Новой Англии. Все молодые годы я мечтал вырваться из Филадельфии и поглядеть на мир, а теперь мне представилась такая возможность, да еще и за деньги.

Работал я зазывалой на шоу девушек. В карнавальной группе было две танцовщицы, они исполняли танцевальные номера вроде тех, которые обычно исполнялись в ночных заведениях в 70-е годы. Только вот одежки на них было побольше – все-таки карнавал, а не заведение. Так что зрителям оставалась масса возможностей для воображения. Этот танцевальный дуэт носил название «Маленький Египет». Та, которая брюнетка, выглядела так, будто только что возникла из волшебной лампы Аладдина, а вторая, блондинка, изображала вышедшую из вод Нила красавицу и была упакована в синие шелка под цвет воды. Танцевали они по очереди, исполняя экзотические танцы в отведенной для шоу палатке. Зазывале приходилось орать во всю глотку, да вдобавок складно, затаскивая желающих, кроме того, за 50 центов я вручал каждому входной билет.

¹⁴ Второй лейтенант (second lieutenant) – низшее офицерское звание в Вооруженных силах США.

¹⁵ Квотербек (англ.) – распасовщик, играющий помощник тренера в американском футболе. Это основной игрок команды нападения, находится непосредственно за центром и принимает от него мяч в начале розыгрыша. Квотербек – мозговой центр команды. Он решает, какой тип розыгрыша будет выполнять команда (либо получает такое указание от тренера, именуемого координатором нападения), отдает пасы, передает мяч игрокам для выносных розыгрышей и иногда сам продвигает мяч вперед.

Карнавальное шоу «Риджент» было чистойшей развлекаловкой, как доброе старое шоу Эда Салливана на телевидении. В нем участвовали и акробаты, и жонглеры, были разные соревнования на меткость, в которых можно было выиграть кукол и другие сувениры. Был и оркестр, и исполнители песенок. Но вот азартных игр не было – у большинства гостей гроша лишнего за душой не имелось. Это был пик Великой депрессии. Кто бы там что ни говорил, а окончательно этот спад закончился только с началом войны. А тогда у работяг не было денег на азартные игры. И взять их было не у кого – большинство пробивались временными и разъездными работами, куда семью за собой не потащишь. Так что жили скромненько, но и не хулиганили.

Мы с Янком помогали ставить палатки и расставлять сиденья для публики, а после выступлений снимать палатки и убирать стулья. Если между зрителями вспыхивала драка, нам согласно местным порядкам полагалось убраться подальше, да поскорее. Если дела шли хорошо, если публика нас принимала, если зрителей было много, то мы оставались на одном месте дней на десять. Если нет, то мы снимались с места довольно скоро и уезжали в другое. Мы выступали во многих городках в близлежащих штатах – в Коннектикуте, Вермонте, Нью-Гэмпшире и под Бостоном.

Для переездов использовались выдавшие виды грузовики и фургоны, спать приходилось под открытым небом. Это вам не такой известный цирк, как «Ринглинг бразерс», а просто заурядная карнавальная труппа, каких не один десяток. Без претензий. Надо сказать, что и мои вечные скитальцы родители приучили меня не бояться странствий и связанных с ними неудобств.

Платили нам не так много, зато кормили задаром, к тому же еда была сытной, вкусной и обильной. Жаренной на углях говядины сколько угодно, да еще на свежем воздухе! Конечно, не так вкусно, как мать готовила, но перещегоолять ее никому было не под силу. Если случался дождь, спать приходилось под грузовиками. Именно тогда я впервые попробовал самогон. А вообще-то по части выпивки я никогда особо не перебарщивал. До самой войны я был к ней равнодушен. Впервые я по-настоящему напился только в Катанье, на Сицилии. Именно тогда я впервые выпил красного вина, и оно на всю жизнь осталось моим любимым из всего остального спиртного.

Однажды по дороге в Брэттлборо зарядил дождь, а потом он перешел в ливень. Целый день лило как из ведра. Дороги превратились в грязь. Зрителей – ни одного. Некому было сбывать пятидесятицентовые билеты. Одна из танцовщиц, брюнетка, заметив, как я стою, мерзну и дышу на ладони, пытаюсь их согреть, подошла ко мне и прошептала на ухо. Напрямик спросила, не пожелаю ли я провести ночь в их с партнершей по танцам палатке. Я уже понял, что нравлюсь обеим, и, конечно же, я согласился. Пусть Янк дрыхнет под каким-нибудь грузовиком, зато я отлежусь на сухой постели.

После того как шоу закончилось, я пошел к ним в гримерную, где разило духами. Гримерная помещалась в одной из палаток, она же служила и спальней. «Египтянка» возлежала на кровати на подушках. Едва завидев меня, тут же спросила:

– Может, ты все же разденешься? Ты замерз и промок насквозь.

Мне тогда стукнуло семнадцать. Я продолжал молчать, прикидывая, не прикалывается ли она надо мной. Девушка спросила:

– Ты когда-нибудь был с женщиной?

– Нет, – ответил я, и это было чистойшей правдой.

– Ну вот, сегодня ночью ты с ней побудешь, – ответила брюнетка и рассмеялась.

Поднявшись с кровати, она задрала мне рубашку и сняла ее через голову. Теперь я стоял перед ней голый до пояса.

– Даже с двумя сразу, – добавила ее партнерша-блондинка, присвистнув. Видимо, я покраснел до ушей, потому что обе вновь рассмеялись.

В ту ночь я расстался со своей невинностью. До этого раза ничего подобного со мной не было. Мастурбацию я так и не освоил – и не потому, что церковь запрещала, я и сам ее не одобрял. Мне это занятие всегда казалось дурно пахнущим.

После первого захода с брюнеткой меня к себе позвала и блондинка. Та пожелала, чтобы я отлизал ей киску.

– Вот это мне точно слабо будет, – ответил я, помолчав.

В те времена, хотите верьте, хотите нет, оральный секс с женщиной считался смертным грехом. Во всяком случае, в Филадельфии.

Когда я вошел в эту «Русалку Нила», она смотрела мне прямо в глаза, ожидая реакции. Заметив, что глаза мои округлились, она пояснила:

– Доберись до конца, если получится. Тогда точно можешь считать себя настоящим мужиком. У меня дырочка что надо. Таковую не каждый день встретишь.

Пресвятая Богоматерь, и она ведь не врала! А я-то думал, что мое хозяйство и кобыле не заправишь!

В ту ночь я, перескакивая с одной постели на другую, наверстал упущенное за многие годы, улаживая двух этих весьма искушенных дам. Обе словно взбесились. Но я выдержал – молод был и здоров. На следующее утро я подумал: сколько же я в жизни упустил! Эти две танцовщицы в одну ночь не хуже университета просветили меня по части удовлетворения женщины. В те времена книжек об этом не писали и все половое воспитание ограничивалось обменом мнениями с друзьями, которые знали обо всем этом еще меньше меня.

В этой палатке я провел не одну ночь, большей частью с брюнеткой, засыпая укрытый ее роскошной, благоухавшей духами гривой. Бедняга Янк – тому приходилось спать на холоде и на сырой земле. По-моему, он так и не простил мне этого. (Янк был человеком порядочным и прожил хорошую жизнь. Никогда не совершал дурных поступков. Умер далеко не старым, я тогда еще сидел. Меня, разумеется, не отпустили на его похороны. Как и на похороны брата и сестры. Янк рулил ресторанчиком «Мэлли» на Уэст-Честер Пайк, он писал мне в тюрьму, что, мол, задумал устроить прием в мою честь, когда я выйду. Вот только не дождался он меня – у бедняги Янка случился инфаркт, который и свел его в могилу.)

Когда мы добрались до штата Мэн, лето уже подходило к концу. Наступил сентябрь, а с наступлением холодов карнавал «Риджент» всегда отправлялся на юг, во Флориду, где оставался всю зиму. Мы были в Кадмене, там состоялось последнее в том сезоне представление. Милях в сорока находилось одно лесозаготовительное предприятие, поговаривали, что там нужны работники. И мы вместе с Янком на своих двоих по раскисшей от дождей лесной дороге направились туда. Я понимал, как мне будет не хватать моей «египтяночки», но, как только мы сняли палатки и погрузили их скарб на грузовик, наша работа кончилась.

На работу нас приняло лесозаготовительное предприятие. Янка определили на кухню помощником. Ну а меня по причине моих габаритов тут же направили на распилку деревьев. На валку леса я не годился – слишком молод, – а вот срубить ветки, то есть превращать стволы поваленных деревьев в бревна, это пожалуйста. Потом бревна бульдозером подтаскивали к реке и спускали на воду. По воде они доплывали до того места, где их вытаскивали и грузили на машины. Работа была тяжелой. Ростом я был 185 сантиметров и весил 79 килограммов – после 9 месяцев работы на мне не было уже ни грамма жира.

Спали мы в хибарах, где стояли и железные печурки, мы питались «жарким» или тем, что таковым называлось. Одно жаркое по три раза на дню. Но когда ты вдоволь намахнешься топориком, тут уже не до вкусовых качеств еды.

Тратить деньги там было не на что, и нам с Янком удалось кое-что прикопить. Мы с Янком в карты играть и не садились, а не то нас вмиг обчистили бы.

По воскресеньям здесь играли в совершенно дикую разновидность регби. Вот в этом я участвовал. И никогда не придерживался правил, при условии, если они вообще существовали. Главное – сбить противника с ног.

Почти каждый вечер, если не шел снег, мы боксировали на огороженном канатами импровизированном ринге. Никаких перчаток, разумеется, не было, приходилось обматывать кулаки бинтами. Всем хотелось поглядеть на мальчишку, сражавшегося против 20–30-летних мужиков, и я, уступая многочисленным просьбам, выходил на ринг. Все это очень напоминало воспитательные акции отца. Мне уже казалось, мне на роду написано биться с теми, кто старше меня. Только эти ребята колотили посильнее моего папаша. Я не раз проигрывал, но и мои удары тоже кое-кому даром не проходили, к тому же я овладел и разными хитрыми приемами.

Думаю, мощный удар – это врожденное. Рокки Марчиано пришел в бокс уже после войны, в 26 лет, но вот у него сила удара была врожденной. Конечно, чем рука длиннее, тем сильнее удар, однако главная сила идет из предплечья в кисть. Сила как бы перескакивает из предплечья в кулак, которым ты нокаутируешь соперника. Если этот прием доведен у тебя до совершенства, ты даже слышишь, как эта сила перескакивает в твой кулак – будто щелчок раздается. Взять хотя бы Джо Луиса с его шестидюймовым нокаутирующим ударом. Ему хватало двинуть кулаком всего-то с 6 дюймов, и раз – соперник в нокауте. Вся сила – в резкости удара. Это как заехать кому по заднице полотенцем – сила больше в полотенце, а не в твоей руке.

А если подучиться еще парочке приемчиков, ты, считай, вооружен. Говорят, Джек Демпси нахватался всех этих трюков в 13 лет в шахтерских поселках в Колорадо. Готов в это поверить после своих 9 месяцев в лесах Мэна.

Летом мы на попутках добрались до Филадельфии и внезапно поняли, что у нас появился новый интерес, кроме бокса – девчонки. Я работал на двух или трех работах, искал подработки, где только мог, пока в конце концов не поступил учеником в «Перлстейн глэсс компани» на 5-й улице и Ломбард-стрит. Тогда деловой квартал начинался сразу же за Скотч-стрит, теперь туда бегают за покупками детишки. А я учился на стекольщика. Учился тому, как вставлять стекла в окна всех этих огромных городских зданий. Иногда работал в мастерской по декоративной обработке стекла. Многому я там научился, да и работа эта не шла ни в какое сравнение с лесоповалом. Бывало, день заканчивается, а я как жеребчик – энергии хоть отбавляй, только по девчонкам и бегать наперегонки с Янком.

Моим секретным оружием в борьбе с Янком были танцы. Большинство детей вроде меня – неуклюжие и косолапые. Я был исключением. У меня было хорошее чувство ритма, и я прекрасно владел телом, имел подвижные ловкие руки и отличную координацию. Вся страна помешалась тогда на свинге, все вокруг под него только и отплясывали. Я бегал на танцы шесть раз в неделю (по воскресеньям никогда). И все время в разные места. Вот так и научился танцевать. Чтобы научиться танцевать, надо постоянно бегать по танцулкам. Тогда еще придерживались каких-то движений, не то что сейчас. После войны я даже какое-то время работал учителем танцев.

В 1939 году, когда мне было 19 лет, мы с моей партнершей по танцам Розанной Де Анджелис заняли второе место в «Харвест Мун Болл» – конкурсе танцевальных пар в Мэдисон-сквер-гарден (участвовало около 5000 пар). Розанна была очень грациозной танцовщицей и отличной партнершей. Мы познакомились с ней уже в Мэдисон-сквер-гарден – нас свел случай: ее партнер серьезно повредил ногу во время репетиции. А моя партнерша что-то занемогла: то ли устала, то ли еще что-то. Ну, мы и станцевали с Розанной. Этот фестиваль танцев был крупнейшим в стране. Проводился он ежегодно, а спонсором была газета «Нью-Йорк дейли ньюс». Много лет спустя я научил свою дочь всем танцам – румбе, танго и так далее.

В фирме «Перлстейн глэсс компани» я зарабатывал неплохие деньги – без малого 45 долларов в неделю. Это было намного больше, чем зарабатывал мой отец. Из этих денег я оплачивал пансион, поэтому теперь нам незачем было бегать с места на место. Моя сестра Пегги еще ходила в школу, а после школы подрабатывала в большом магазине «Эй Энд Пи», расставляя товары по полкам. Мой брат Том с нами уже не жил – он бросил школу и вступил в Гражданский корпус охраны окружающей среды¹⁶.

Ну а остальные денежки за вычетом квартплаты и еды уходили на танцы. Конечно, на девушек всегда требовались деньги, но мы с Янком нашли способ веселиться и без денег. Однажды я пригласил одну симпатичную веснушчатую ирландку искупаться в речке у Дерби Роуд, там, где сейчас располагается больница «Мерси Фитцджеральд Хоспитал». Речка эта лежала метрах в ста от дороги. Янк незаметно подкрался к нам и стащил нашу одежду. А потом, поднявшись на холмик, крикнул моей девушке выйти из воды, одеться и пойти с ним, а не то он убежит вместе с ее одеждой. Ну, она выбралась из воды, оделась и ушла с ним, а Янк дал какому-то мальчишке 25 центов, чтобы тот приглядел за одеждой, пока они не скроются из вида. Они ушли достаточно далеко, мальчишка стремглав унесся прочь, ну а я остался несолоно хлебавши.

Я перед ним в долгу не остался – вот только не помню точно, как именно я его разыграл. То ли стал распускать слухи, что, мол, его девчонка забеременела, а он, дескать, толком и не знал от кого. Может, и так. А может, еще каким-то образом подставил? Вполне допускаю. Но не более того – дальше шуток дело не заходило. Нас теперь уже не интересовали уличные стычки, мы теперь подвизались на новом поприще – кавалеров танцев и бабников. Мне из принципа не хотелось, чтобы полученные мною от циркачек постельные навыки пропали даром.

Я вел беззаботную, полную маленьких радостей жизнь молодого повесы – никакой ответственности, никаких размышлений, куча славных друзей, толпы девчонок: одним словом, полным ходом накапливал впечатления и события для будущих воспоминаний. Вот только на месте мне не сиделось. Я все время стремился сняться с насиженного места. И довольно скоро убедился, что судьба занесла меня далеко-далеко, но к тому времени я уже не мог позволить себе роскошь быть нетерпеливым. Я был вынужден жить по армейским законам, а именно – поторапливайся и жди».

¹⁶ Гражданский корпус охраны окружающей среды (англ. *Civilian Conservation Corps, CCC*) – программа государственного трудоустройства безработных в рамках «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта, действовавшая в 1933–1942 гг. и направленная в основном на сохранение природных ресурсов.

Глава 5. 411 дней

«Впервые эту песню – «Tuxedo Junction» – я услышал в 1941 году. Я служил в военной полиции в Колорадо, мы выполняли функции охраны в Лоури Филд в составе воздушного корпуса. Большинство считает, что известностью эта песня обязана Гленну Миллеру, но на самом деле простому руководителю ансамбля Эрскину Хоукинсу. Это он написал эту песню и впервые ее исполнил. И она всю войну не покидала меня. А после войны мое первое свидание с будущей женой Мэри тоже прошло под аккомпанемент ансамбля Эрскина Хоукинса, на концерт которого мы решили пойти в Филадельфии.

Однажды в холодный декабрьский вечер 1941 года я занял первое место в состязании танцоров, исполняя танец именно под «Tuxedo Junction» в танцевальном зале «Денвер дэнс холл». Утром мне предстояла переброска в Калифорнию. Японцы к тому времени уже разбомбили Перл-Харбор. Мне только что стукнул 21 год, ростом я был под 190. Четыре года спустя, когда война кончилась, меня демобилизовали за день до моего 25-летия. За войну я подрос еще сантиметров на пять. Люди забывают, как мы были молоды. Некоторые из нас такими остались навсегда.

Войну я провел пехотинцем в Европе в составе 45-й пехотной дивизии. Считается, что в среднем ветеран войны около 80 дней проводит в боях. Ко дню окончания войны мне сказали, что у меня на счету 411 боевых дней, что позволяло мне получать доплату в размере 20 долларов к ежемесячному солдатскому жалованью. Я был одним из тех, кому повезло. Есть много настоящих героев, для которых вся война ограничилась одним днем – первым и последним. Невзирая ни на рост, ни на количество боев и просто стычек с врагом, я ни разу и царапины не получил. Мне не раз приходилось, сидя в окопах, взывать к Господу, в особенности под Анцио. Что бы там ни говорили о моем детстве, именно в детстве я освоил науку выживания».

Вытащить из Фрэнка Ширана эпизоды его военной биографии оказалось делом нелегким, пожалуй, самым трудным в ходе всего интервью. Потребовалось целых два года, чтобы убедить его в том, что все, что касалось войны, вообще стоит обсуждать. И обсуждение это было очень обременительным и для интервьюируемого, и для автора – первый не желал на эту тему распространяться, а второму требовалось проявлять такт, задавая вопросы.

Ради облегчения моей задачи Ширан раздобыл 202-страничный талмуд – официальный журнал боевых действий 45-й пехотной дивизии за последние месяцы войны. Чем больше я узнавал из этого отчета и из рассказов Фрэнка, тем сильнее убеждался в том, что именно тогда в ходе боев этот ирландец и освоил ремесло хладнокровного убийцы.

В журнале боевых действий сказано: «45-я дивизия заплатила высокую цену за утверждение наших американских идеалов: 21 899 человек убитыми и ранеными». Если считать численность полностью укомплектованной дивизии в 15 000 человек, то ее личный состав полностью обновился. В журнале боевых действий говорится о 511 боевых днях дивизии в целом – то есть 511 дней, проведенных под пулями противника и в ведении огня по противнику. 45-я дивизия героически сражалась с самого первого дня войны в Европе и до последнего.

Не считая дней отдыха, на счету рядового Фрэнка Ширана 411 боевых дней – то есть таких дней у него свыше 80 %. День за днем Ширан убивал неприятельских солдат, задаваясь сакраментальным вопросом: а когда же очередь дойдет и до него? Не всем выпала участь Фрэнка Ширана – другие ветераны войны, с которыми мне приходилось беседовать, буквально лишались дара речи, если я произносил цифру в 411 боевых дней.

«— Врезать бы тебе как следует, — сказал Чарли (Диггси) Майерс. Я был на пару лет старше его и две головы выше. Мы были друзьями еще со школьных лет.

— А что не так, Чарли? За что ты хочешь мне врезать? — с улыбкой спросил я его.

— У тебя была халявная работа в тылу в военной полиции. Ты мог спокойно просидеть всю долбаную войну в Штатах. Ты просто придурок, что оказался здесь. Знаешь, мне всегда казалось, что у тебя не все дома, но до такого додуматься? Ты что же, считал, мы здесь развлекаемся?

— Мне хотелось почувствовать себя в настоящем бою, — попытался объяснить я и тут же почувствовал себя идиотом.

— Ладно, почувствуешь.

Где-то в небе вдруг засвистело, и тут же раздался оглушительный взрыв.

— Что это было?

— Это и есть твой «настоящий бой».

Ткнув мне саперную лопатку, Чарли добавил:

— На, возьми!

— На кой черт мне она?

— Окопы рыть. Давай, приступай. Добро пожаловать на Сицилию!

Когда я покончил с рытьем окопа, Чарли объяснил, что при разрывах осколки летят вверх. Поэтому во время взрыва надо залечь и как можно сильнее прижаться к земле. Тогда тебя не заденет. Не успеешь — значит, тебя просто-напросто перережет пополам. — В детстве я всегда смотрел на Диггси свысока, теперь же роли поменялись.

Как же случилось так, что я в 1943 году оказался на этой Сицилии с саперной лопаткой в руках?

В августе 1941 года я добровольцем пошел в армию. Почти весь мир воевал друг с другом, но Америка еще хранила нейтралитет.

Начальную подготовку я проходил в Билокси (штат Миссисипи). Однажды один сержант родом с Юга, выстроив нас, заявил, что, мол, сделает с нами что захочет, а если кто-то думает по-другому, пусть выйдет из строя. Я шагнул чуть ли не на метр, и сержант отправил меня на пять дней чистить отхожие места. Это у него был такой метод вызвать у нас уважение к себе, к его должности и званию. Нас готовили к войне.

По завершении начальной подготовки меня осмотрели на комиссии и, подивившись моим габаритам, тут же решили, что я буду незаменим для военной полиции. Моего мнения об этом назначении не спросили, и я еще до официального вступления США в войну оказался в рядах военной полиции.

Но после Перл-Харбора мы стали воевать по-настоящему, и все, кто пожелал сменить службу в военной полиции на участие в боевых действиях, могли написать рапорт о переводе в действующую армию. Меня привлекала перспектива, свалившись с небес, напрямую оказаться в бою, и я записался в десантники, после чего меня перевели в Форт Беннинг (штат Джорджия), где мне предстояло пройти обучение. Поскольку я был в прекрасной физической форме, подготовка меня не сильно напрягала. И вообще, я буквально рвался в бой. Дело в том, что, когда ты приземлишься, в первые минуты очень многое зависит только от тебя. Но после первого же прыжка с учебной парашютной вышки, когда я вывихнул плечо, я уже так не думал. Я неправильно приземлился — в результате меня выставили из десантников и загнали в пехотинцы.

И еще: ни наказания, ни необходимость соблюдения воинской дисциплины так и не смогли уберечь меня от всякого рода неприятностей. Я постоянно влипал в них на протяжении всей своей военной карьеры. Я начинал службу в звании рядового, и 4 года и 2 месяца спустя я закончил ее в том же звании. Время от времени меня повышали, но потом командованию приходилось вновь понижать меня за проступки. В общей сложности я 50 суток

провел в самоволках – в основном попивая винцо в обществе итальянок, немок или француженок. Но все это в тылу. На передовой я ничего подобного себе не позволял. Просто, если твое подразделение на передовой, а тебе вдруг припрет идти в самоволку, любой офицер вправе пристрелить тебя, а потом сказать, что ты погиб от вражеской пули. Потому что на передовой самоволка приравнивается к дезертирству.

Дождаться отправки в Европу мне пришлось в лагере Кэмп Патрик Генри в Вирджинии, и там я попытался сбить спесь с одного из этих южан-сержантов, за что меня отправили в кухонный наряд чистить картошку. При первой же возможности я достал слабительного и высыпал его в огромный электрический кофейник. В результате все, включая офицерский состав, страдали поносом. Но – увы – я оказался единственным, кто был избавлен от этого недуга и не явился в санчасть. Короче говоря, моя проделка была раскрыта, и нетрудно представить, что вскоре я снова драил нужники.

14 июля 1943 года нас отправили на север Африки, в Касабланку. Я попал в 45-ю пехотную дивизию рядовым. Дивизию ты не выбирал, зато имел возможность выбрать роту, при условии, если там еще оставались вакансии. Рота насчитывала 120 человек. Наша церковь в Филадельфии опубликовала список местных ребят с указанием места службы. Поэтому я был в курсе, что Диггси тоже попал в 45-ю дивизию. Я обратился с просьбой о зачислении меня в роту, где он служил, и просьба была удовлетворена. Я не рассчитывал, что попаду в тот же взвод, что и Диггси (32 человека), тем более в то же отделение (8 человек), но, вопреки ожиданиям, попал, и мы служили вместе».

Осенью 1942 года, когда наши войска еще только готовились к высадке в Европу, генерал Джордж Паттон выступил перед личным составом 45-й дивизии в Форт Девенсе (штат Массачусетс). Генерал Паттон обратился к мальчишкам, впервые оказавшимся вдали от дома и ожидавшим отправки за океан сражаться и погибать, и заявил, что этой дивизии отведена особая роль.

Вот что пишет полковник Джордж Мартин, начальник штаба дивизии, командному составу 45-й пехотной дивизии:

«[Генерал Паттон] говорил долго, не особо стесняясь в выражениях... Он рассказывал о том, как британские пехотинцы, идя в атаку, не заметили засевших по флангам немцев и в результате получили мощный удар в спину. Потом, когда англичане приступили к зачистке от противника захваченной территории, немцы, вдруг бросив оружие на землю, задрали руки вверх, решив сдаться. Если подобное случится с нами, предупредил генерал Паттон, мы пленных брать не собираемся, а прикончим этих ублюдков всех до единого.

Потом нам было сказано, что нашей дивизии предстоит сражаться больше, чем какой-либо другой из американских дивизий, и что немцы должны запомнить ее как «дивизию убийц».

В следующей речи, 27 июня в Алжире (Северная Африка), как вспоминал один из присутствовавших на ней офицеров, Паттон заявил бойцам своей «дивизии убийц» следующее:

«...убивайте, убивайте и еще раз убивайте – чем больше их вы прикончите сейчас, тем меньше придется их прикончить в будущем... Генерал сказал, что чем больше немцев мы возьмем в плен, тем больше их придется кормить, так что со сдающимися в плен немцами не миндальничать. Еще он сказал, что лучший немец – это мертвый немец».

Другой офицер вспоминает сказанное Паттоном об отношении к гражданскому населению:

«Генерал заявил, что, мол, те, кто окажется в зоне боевых действий, также должны считаться врагами и что с ними надлежит обращаться столь же безжалостно, как и с немецкими военными».

«Когда я отрыл для себя окопчик, Диггси поведал мне две скандальные истории. Обе стороны ненавидят снайперов, и если ты захватишь в плен снайпера, лучше прикончить его сразу. Снайперы действовали в районе аэродрома Бискари и застрелили очень многих американских солдат и офицеров. Когда около 40 человек итальянцев сдались в плен, не стали разбираться, кто из них именно снайпер, а просто выстроили и расстреляли на месте. Второй случай: один сержант привел к нам в тыл три десятка или около того сдавшихся в плен, а потом из автомата расстрелял всех до единого. Рассказ Диггси произвел на меня эффект разорвавшейся бомбы. Я всерьез задумался о том, стоит ли мне сдаваться в плен врагу, если дело дойдет до этого».

В своей последней речи к служащим 45-й дивизии в августе 1943 года, сразу же по завершении успешного сражения на Сицилии, Паттон заявил: «Ваша дивизия – одна из лучших, если не самая лучшая за всю историю Америки». И тем самым подтвердил веру в свою «дивизию убийц». Ее солдаты и офицеры действовали в полном соответствии с его распоряжениями, изложенными ранее.

Правда, в эти же дни двое служащих 45-й дивизии предстали перед военным трибуналом по обвинению в убийстве. Капитан Джон Комптон приказал расстрельной команде казнить около 40 безоружных военнопленных, причем двоих гражданских лиц. Это произошло после боя 14 июля 1943 года, в результате которого был взят аэродром Бискари. На другом участке в тот же день сержант Хорэйс Уэст лично из автомата расстрелял 36 безоружных пленных.

Вот что по этому поводу пишет генерал Паттон в своем дневнике 15 июля 1943 года:

«[Генерал Омар] Брэдли – преданнейший солдат – явился ко мне в 9.00, потрясенный рапортом 18-й полковой боевой группы [полка, где служил Ширан] 45-й дивизии, личный состав которой всерьез воспринял мой приказ убивать всех, кто продолжал стрелять после нашего приближения на 200 ярдов, и хуже того, выстроив в ряд, хладнокровно расстрелял пятьдесят пленных. Я сказал ему, что это, вероятно, преувеличение, но приказал передать офицеру, что он должен подтвердить, что убитые были снайперами или пытались бежать, или что-то в этом роде, поскольку в противном случае разразится скандал в прессе и поднимется сильное недовольство среди гражданских. Так или иначе, они мертвы, поэтому ничего уже поделать нельзя».

Однако генерал Омар Брэдли не внял советам Паттона, инициировав расследование незаконных действий капитана Джона Комптона и сержанта Хорэйса Уэста.

Капитан Комптон заявил на суде, что исполнял приказ Паттона. На соответствующий приказ генерала Паттона сослался в свою защиту и сержант Уэст. Кроме того, один из лейтенантов заявил под присягой, что вечером накануне вторжения на Сицилию подполковник Уильям Шефер обратился по громкоговорящей связи к личному составу, напомнив солдатам о приказе Паттона «пленных не брать».

Но сержанта Уэста все же приговорили к пожизненному тюремному заключению. Однако бурные отклики на этот приговор привели к тому, что упомянутый сержант вскоре был оправдан, возвращен в действующую часть, в которой прослужил рядовым вплоть до окончания войны. Капитан Комптон 4 месяца спустя погиб – его застрелили немецкие сол-

даты, выбросившие белый флаг, а потом, когда американский офицер стал подходить к ним, открывшие огонь.

Сообщалось и о других случаях расправ с пленными на Сицилии. В своей книге «Генерал Паттон. Жизнь солдата» Стэнли Хиршзон ссылается на одного известного британского журналиста, который однажды был свидетелем того, как Паттон приказал расстрелять 60 человек пленных, но решил не предавать этот инцидент огласке, после того как Паттон дал ему слово чести не допускать впредь актов подобной жестокости. Однако журналист проговорился об этом одному из своих знакомых, а тот, в свою очередь, подготовил памятную записку, в которой описывался этот эпизод. В ней, в частности, говорится: «Кровожадные высказывания и распоряжения Паттона незадолго до высадки на Сицилии слишком буквально были восприняты личным составом, в особенности личным составом американской 45-й пехотной дивизии».

«В тот же день Диггси спросил меня насчет слухов, которые он слышал от одного жившего с ним по соседству парня – дескать, я пошел на войну добровольцем, потому что Янк обрюхатил какую-то там девчонку и обвинил в этом меня. Можете себе вообразить подобное? Слухи настигли меня даже за океаном. Янк тогда учился в колледже и не оставил свои шуточки».

Глава 6. Делал то, что должен

«Самым простым и легким периодом войны для меня стала Сицилия. Итальянцы – воюки никудышные. Просто немцы были для них стержнем. Случалось и такое: мы наступаем и натываемся на итальянцев, которые стоят по стойке «смирно» с вещмешками наготове. Как раз во время нашей высадки на Сицилии Муссолини решил выйти из войны, и вместо итальянцев воевали немцы. Сицилийцы были настроены очень дружелюбно. Как только мы выгнали немцев, я побывал в Катании, где повсюду на скатертях сушились домашние спагетти. После войны Рассела Буфалино привело в восторг то, что я побывал тогда именно в этом городе.

Моим первым новым приятелем в нашем отделении стал Алекс Сигел – уроженец еврейской части Бруклина. Мы с ним снялись на фото на Сицилии, но вот только он месяц спустя погиб во время обстрела на побережье под Салерно.

Салерно – городок южнее Неаполя на западном побережье Италии. В сентябре 1943 года мы высадились вблизи него на побережье под разрывами немецких снарядов. Салерно была самая тяжелая и опасная десантная операция, в которой мне довелось участвовать. Тем из нас, кто высадился на берег, предстояло миновать около километра простреливаемой противником территории, чтобы закрепиться на побережье. У каждого солдата была лопатка, и мы все стали окапываться. Если ты под обстрелом, тут уж окапываешься из последних сил, лишь бы в землю зарыться поглубже и поскорее.

Наши позиции обстреливали немецкая артиллерия и авиация. Как только заметишь немца, тут же открываешь огонь из винтовки. Мне тоже пришлось пострелять. Вот только не помню, когда и где я впервые выстрелил во врага. Вроде это было под Салерно. Я много раз спрашивал себя: на кой черт я добровольцем ввязался во все это?

Немцы едва не сбросили нас в море. Но я отчетливо помню, что мы стояли насмерть. Все боялись до чертиков, некоторые даже себе не хотели в этом признаться. Но признавай не признавай, а боялись все до единого».

В журнале боевых действий сохранилась запись одного из генералов, командующего другой дивизией:

«45-я пехотная не позволила немцам сбросить десант союзников в море».

«Когда наша береговая артиллерия открыла по немцам огонь, они были вынуждены отступить на участок вне досягаемости снарядов наших орудий. Это дало нам возможность для наступления, и мы вместе с другими дивизиями двинулись в северном направлении.

Пехотинец обязан исполнять приказ. Если он не исполнит приказ, то подлежит расстрелу на месте. Джимми Хоффа в армии не был. Отвертелся от службы с большим трудом. А в бою тебя мигом научат тому, что приказ есть приказ и правила есть правила, которые надлежит беспрекословно выполнять, причем всем без исключения. До участия в боях я не особенно рвался исполнять распоряжения и приказы, а вот в бою научился».

Именно исполняя приказы командиров, Ширан оказался в числе тех, кого в журнале боевых действий характеризовали как «измотанных в ожесточенных боях на суровой местности», кто, «преодолевая упорное сопротивление противника», с боями продвигался от Салерно до Венафро. Затем последовала «зимняя кампания, разыгрывавшаяся в суровых Апеннинах» под пулеметным огнем удерживаемого немцами монастыря Монте-Кассино.

«Мы продвигались на север Италии из Неаполя к Риму и к ноябрю 1943 года были уже у Монте-Кассино. А там мы застряли на целых два месяца. На вершине горы Монте-Кассино

возвышался монастырь, который немцы использовали в качестве наблюдательного пункта. Таким образом, они имели возможность контролировать наши передвижения. Монастырь этот возник еще в древности, памятник архитектуры и все такое. В общем, сначала его ни бомбить, ни обстреливать не позволялось. А когда его все же пришлось разбомбить, это ухудшило положение еще сильнее – немцы теперь могли укрываться в древних руинах. В январе 1944 года мы предприняли попытку наступления, но немцы не позволили нам взобраться на эту горку. Иногда по ночам мы отправлялись за «языком». А чаще всего мы ночами думали, как укрыться от постоянных дождей и не получить немецкую пулю в лоб.

Тогда я научился не сближаться со всеми подряд. Только сдружишься, а человек гибнет. Какой-нибудь 19-летний мальчишка прибывает с пополнением, и, глядишь, его уже нет. Это очень действует на психику. Мы с Диггси дружили, и вот он погиб. И что же теперь? Завести еще одного друга, чтобы тут же его потерять?

Потом произошло наихудшее. Кое-кого из нас решили направить на отдых в тыл в Кассерту под Неаполем. Разместили в бывшем королевском дворце. Дней десять все было лучше некуда, а потом нас перебросили под Анцио. Это небольшой городок севернее линии фронта немцев у Монте-Кассино, но южнее Рима. Замысел состоял в том, чтобы ударить немцам во фланг и позволить нашим основным силам совершить прорыв к Монте-Кассино».

Силы 45-й дивизии после многократных безуспешных и кровопролитных попыток взять штурмом монастырь Монте-Кассино были переброшены на другой участок для обеспечения вторжения в Анцио с моря. В ходе марша 45-й дивизии из Монте-Кассино генерал Марк Кларк писал: «Все 72 дня 45-я дивизия постоянно вела бои со значительными силами противника и в тяжелейших условиях». Генерал Кларк вспоминал о «холодах, дождях и постоянных обстрелах неприятельской артиллерии и минометов», которым у Монте-Кассино подверглась 45-я дивизия и, в частности, один из ее бойцов, рядовой Фрэнк Ширан. Чего не мог знать генерал, так это того, что соединению суждено было попасть из ада Монте-Кассино в другой ад – под Анцио.

«Перед боем или высадкой ты весь на нервах. Но стоит только увидеть сигнальную ракету, как мандраж исчезает. Тут уж не до раздумий. Ты просто действуешь, выполняешь положенное. Но осознаешь это лишь по окончании операции.

На побережье под Анцио мы захватили немцев врасплох и взяли несколько сотен пленных. Сутки спустя, когда мы стали продвигаться с побережья, все было вроде бы тихо, но ответственному за операцию генералу в этом спокойствии почудилась ловушка. Он решил дождаться поддержки танков и авиации. Задержка дала возможность немцам подтянуть свои танки и артиллерию и припечатать нас сверху к земле, не позволив нашим танкам и артиллерии подойти на выручку».

Как выразился сэр Уинстон Черчилль, «и случилась катастрофа... Силы обороны берегового плацдарма росли, а возможности для проведения крупной операции уже не было». Гитлер подтянул подкрепление, лишившее союзников маневренности, и приказал уничтожить, как он выразился, этот «гнойник» в Анцио.

«Потом на нас обрушились их тяжелая артиллерия и авиация. Нам пришлось окапываться как следует, окопчики уже не спасали. Вгрызались в землю мы на несколько метров. Из траншей приходилось выбираться на сколоченных деревянных лестницах, а поверх траншей укладывать доски и бревна, чтобы защититься от проливных дождей и шрапнели противника.

Четыре месяца мы терпели эту непрерывную атаку. Днем выйти из траншей не было никакой возможности – ты тут же схлопотал бы пулю. Да и куда было выходить и зачем? По ночам мы выбирались наружу справить нужду или опорожнить каски, в которые мы облегчались днем. Питались сухим пайком. Ни о какой горячей пище и думать не приходилось. Немцы в упор расстреливали наши суда войскового подвоза. Мы резались в карты и рассуждали о том, чем будем заниматься после войны. А в основном молились. Молились все независимо от убеждений и религиозности. Я со счета сбился, сколько раз воздавал хвалу Деве Марии и Иисусу. Обещал им не грешить, если они вытащат нас из этого пекла живыми. Клялся позабыть о женщинах, о вине, о сквернословии, обо всех мыслимых пороках, лишь бы выбраться оттуда.

Самый жуткий обстрел был ночью, и мы его прозвали «Экспресс на Анцио». Немцы сосредоточили огромное количество артиллерийских орудий и надежно замаскировали их, поэтому наша авиация не различила их днем. С наступлением темноты немцы по железной дороге подогнали орудия, вывели их на огневые позиции и подвергли нас интенсивному обстрелу. Грохот стоял неимоверный, такой, от которого и свихнуться недолго. От многих наших солдатиков в ту ночь даже мокрого места не осталось – нечего было отправлять родным в гробах. И ты понимал, что в любую минуту следующим мог быть ты.

По ночам обычно мы по периметру участка выставляли посты боевого охранения, чтобы ребята могли урвать пару часиков на сон. Но в эти 4 месяца нам было, честно говоря, не до сна. Лично я терпеть не мог лежать в боевом охранении – ночью всегда страшнее, чем днем. Пусть даже не каждую ночь тебя молотит немецкая артиллерия, как при прибытии «экспресса на Анцио», но днем нам тоже доставалось. Арт-подготовка рвет нервы, тебя просто трясет под разрывами, и в конце концов ты превращаешься в оупелого идиота. Немцы дважды пытались сбросить нас в море, но мы выстояли».

В журнале боевых действий сообщается, что 45-я дивизия «наголову разбила немцев», сокрушила все их попытки «уничтожить плацдарм». Период ожесточенных немецких атак под Анцио сменился месяцами «выжидания» и «удерживания позиций». В ходе постоянных бомбардировок и артобстрелов погибло свыше 6000 военнослужащих союзнических сил. В мае основные силы сумели все же прорваться через линию обороны немцев в районе Монте-Кассино. К концу мая 150 000 измотанных в боях, но не потерявших присутствия духа солдат покинули траншеи в Анцио и соединились с силами, наступавшими на Рим с юга. А 6 июня 1944 года силы союзников высадились в Нормандии – второй фронт был открыт.

«В Рим мы вошли маршем, без боев. Рим был объявлен «открытым городом», то есть ни одна из сторон не собиралась открывать огонь, но немцы все же постреливали. Именно в Риме я впервые увидел уличные кафе. Мы присели за столик отдохнуть, поесть и выпить вина. Там же я впервые увидел светловолосую итальянку, проходившую мимо кафе. Разумеется, не обошлось и без приключений. Благо это было нетрудно. Нам выдавали шоколад, сыр и яичный порошок в банках – этого вполне хватало. Итальянцы голодали, кто вправе упрекнуть их в падении нравов? Интимные контакты с местным населением не поощрялись, но что командование могло с нами сделать? Отправить на передовую?»

Какое-то время мы сражались с немцами в Италии, затем нас перебросили на соединение с силами, осуществлявшими высадку на южном побережье Франции. Операция носила название «Дракон». Это было 14 августа 1944 года. Высадившись, мы натолкнулись на сопротивление противника. Но огонь они открыли, скорее, для проформы. Что, правда, не уменьшало опасности попасть под пулю. Пары выстрелов и то хватит с лихвой.

Я пробирался перебежками по берегу под Сен-Тропе, и мне вдруг показалось, что меня подстрелили – вся форма была забрызгана кровью. Тут же ко мне подбежал наш санитар, лейтенант Кавота из Пенсильвании:

– Ах ты, сукин сын! Кровь, говоришь? Это не кровь, а вино! Вставай, и вперед! Фляжку твою прострелили!

Хороший он был парень, этот лейтенант.

Оттеснив немцев, мы вошли в Эльзас-Лотарингию – часть области принадлежала немцам, часть французам. Был у меня один приятель из Кентукки по кличке Поуп. Отличный был солдат. Нельзя так сразу говорить о людях – вот этот трус, а этот смельчак. Там, в Эльзас-Лотарингии, этот Поуп однажды выставил свою ногу из-за дерева в надежде схлопотать пулю и отправиться в госпиталь, а потом и домой. И схлопотал. Только не пулю, а здоровенный осколок, которым ногу как ножом срезало. Сам он выжил и домой попал. Только одноногим.

Приходилось видеть и как наши ребята сильно расходились во мнениях, как поступить с пленными. Немцы вокруг только и норовят пристрелить и тебя, и твоих товарищей, а тут представляется возможность отомстить им – когда они решают сдаться в плен. Находились такие, кто мстил. Всегда можно сослаться, что не знаешь немецкого и не понял, что они от тебя хотят. Или можно еще и сочинить байку о том, что, дескать, ты их пленил и стал конвоировать к себе в тыл, а они давай бежать. Ну, ты их при попытке к бегству... сами понимаете. Я не имею в виду массовую резню. Если тебе поручено отконвоировать в тыл большую группу, ты исправно это выполняешь, но если их горстка, то ты делаешь то, что должен делать, и то, что от тебя ожидают другие. Лейтенант приказал мне отконвоировать большую группу пленных, и я сделал то, что должен был.

Во время перестрелки в Эльзасе Диггси ранило в спину. Санитары потащили его вниз по холму. К тому времени я уже изрядно очерствел душой, но, поверьте, видеть, как Диггси на твоих глазах ранило – это на меня подействовало. Я заметил валявшуюся на земле винтовку Диггси. Не любит начальство, если оружие на земле валяется. Ну, я и попросил ребят прикрыть меня, а сам пополз за винтовкой и притащил ее.

– Да ты точно ненормальный! – только и сказал тогда Диггси. – Тебя ведь прикончить могли из-за этой гребаной «М-1».

– Да брось ты – немцы и не догадываются, что их больше, – ответил я.

Тогда Диггси уже второй раз ранили у меня на глазах.

Там, в Эльзас-Лотарингии, мы узнали, что немцы перешли в контрнаступление в Арденнах в Бельгии. Хотели сломать наше продвижение из Нормандии. Это называлось Арденнская операция. Немцы наступали в выступе, и срочно потребовались части для усиления северного участка фронта. Нашу роту оставили прикрывать весь южный участок – 120 человек должны были обеспечить прикрытие полосы целой дивизии (10 000—15 000 человек).

Нам только и оставалось, что отступить. В канун нового, 1945 года мы шли всю ночь. Мы своими глазами видели, как французы срочно снимали американские флаги и вместо них снова вывешивали немецкие. Но вскоре подоспело подкрепление, и мы опять отбили позиции у немцев.

Оттуда мы с боями стали продвигаться к Гарцу. Немцы удерживали позиции высоко в горах. Однажды вечером мы перехватили транспорт, доставлявший немцам горячую еду. Наевшись до отвала, мы вылили похлебку на землю. Немок мы не тронули. Они были, по сути, штатскими – служащими вспомогательных частей. Поварихи. Пальцем их не тронули. Но транспорт сопровождала небольшая группа солдат. Взять их с собой мы не могли – наступали. Поэтому раздали им лопаты, и они стали копать для себя могилы. Вы спросите, а на кой черт кому-то париться из-за собственной могилы. Верно, вроде бы незачем. Но у человека всегда ведь теплится надежда: а может, эти вояки-американцы передумают и смиростоятся, а может, не ровен час, и свои подоспеют, а может, нас и расстреляют, но в награду

за нашу ретивость прикончат сразу, без лишних мучений. Мне, во всяком случае, тогда расстреливать их не хотелось.

После Гарца мы повернули строго на юг Германии, овладели Бамбергом, а потом и Нюрнбергом. Наши бомбардировщики практически сровняли этот город с землей. Именно там Гитлер и проводил свои партийные съезды. И теперь уничтожалось все, что хотя бы отдаленно напоминало о нацистских временах.

Целью наступления был Мюнхен в Баварии – город, откуда Гитлер и начинал в своей знаменитой пивной. Но по пути мы освободили концентрационный лагерь Дахау».

В журнале боевых действий сказано, что в лагере было обнаружено «...около 1000 трупов... Рядом расположены газовая камера и крематорий. Одежда и обувь аккуратными стопками складирована тут же, рядом с аккуратно сложенными телами».

«Мы были наслышаны о зверствах, творимых нацистами в концентрационных лагерях, но мы были не готовы столкнуться с их последствиями – горами трупов и страшным смрадом. Подобные картины впечатываются в сознание навечно. Тебе уже никогда не избавиться от них. Молодого белокурого заместителя коменданта немецкого лагеря и нескольких офицеров посадили в джипы и увезли неизвестно куда. Позже издали слышались выстрелы. Без долгих разбирательств остальные охранники лагеря Дахау – а их было около 500 человек – тоже получили свое. Среди бывших узников лагеря нашлись такие, кто с радостью одолжил у нас винтовки. И на лицах вершивших возмездие не было ни следа раскаяния.

Вскоре после этого мы направились на юг и овладели Мюнхеном, а еще две недели спустя война в Европе закончилась – Германия безоговорочно капитулировала.

Долгие годы я периодически вижу во сне бывшие бои, но в этих снах они всегда перемишляются с заказами, которые я после войны выполнял для определенных людей.

Демобилизовали меня 24 октября 1945 года, за день до 25-летия, но только по календарю».

Глава 7. Пробуждение в Америке

«По стечению обстоятельств я в октябре 1945 года во французском Гавре случайно встретил своего младшего брата Тома. Война кончилась, и нас обоих, правда, на разных кораблях, отправляли в Филадельфию. Том какое-то время участвовал в боях.

– Привет, Том! – сказал я.

– Привет, Фрэнк, – ответил он. – Как ты изменился! Ты уже не тот мой брат, который был до войны.

Я понял, что Том имел в виду. И все дело в этих 411 днях сражений – они отпечатались не только на лице, но засели в глазах.

Слова братца крепко запали мне в душу, и я задал себе вопрос: а не попытался ли он заглянуть в нее? Я и сам понимал, что теперь уже не тот, что прежде. Меня теперь уже многое не трогало. Я прошел почти всю войну – чего и кого мне бояться? В Европе я ушел в себя и после этого уже больше не вышел. К смерти привыкаешь. Как и к тому, что приходится убивать других. Разумеется, не каждый день тебе приходится кого-нибудь убивать – выдаются и веселые денечки, но они мимолетны. Я имею в виду не ранения, этого «счастья» мне, слава богу, не выпало. Однако, не пойдя я добровольцем на войну, я бы ничего этого не видел и не совершил бы поступков, которые пришлось совершить. Я бы просто остался в Штатах и продолжал бы отплясывать в свободные от службы в военной полиции часы под «Tuxedo Junction».

Стоит только ступить с корабля на сушу, как ты видишь вокруг американцев, причем не в военной форме, которые лопочут на твоём родном английском, и тебя все это здорово бодрит.

В армии тебе полагалось по 100 долларов в месяц плюс дембельские – еще 300 баксов. Не у всех до армии была пристойная работенка, и все возвращались туда, откуда ушли. Я вернулся к своим родителям в Филадельфию и в фирму «Перлстейн глэсс компани», откуда я уходил на войну учеником. Но не мог я больше находиться на этой работе после той военной вольницы. Все в этой фирме было нормально, ко мне там хорошо относились, но не мог я больше ходить в поднадзорных и пару месяцев спустя решил оттуда отвалить.

Не раз, просыпаясь по утрам, я с удивлением понимал, что я в Америке и сплю на нормальной кровати. Ночами напролет меня мучили кошмары, иногда я даже не мог понять, где я. Привыкал я долго, в особенности к тому, что просыпался в кровати. Какая кровать? Что я здесь делаю? После войны я спал не более 3–4 часов.

В такие периоды ты не склонен рассусоливать на подобные темы. Естественно, что о таких понятиях, как «боевой посттравматический синдром», ты и знать не знал, хотя и понимал, что с тобой что-то не так. Ты отчаянно пытаешься прогнать все воспоминания, но они тебя не отпускают. Говорить нечего, делов ты в этой Европе наделал больше некуда – от хладнокровных убийств и воровства до безудержной пьянки и разврата. Тебя ни на минуту не покидал страх смерти или увечий. Не раз тебе в считанные секунды приходилось выступать в роли и судьи, и исполнителя приговора. А подчиняться ты был обязан всего-то двум правилам – встать вовремя в строй во всей экипировке и быть готовым исполнить любой приказ вышестоящего начальства. Стоит тебе не выполнить хотя бы одно из перечисленных, ты сам преступник и тебя расстреляют на месте. Все то, чему тебя учили в прежней жизни на гражданке, на фронте не срабатывало, поэтому приходилось переучиваться на месте. Ты освоил навыки маскировки, тебе приходилось испытывать страх, как никогда за все прежние годы жизни. Иногда тебе приходилось действовать вопреки твоим принципам, и ты действовал вопреки им, а со временем даже не задумываясь, чисто автоматически.

Тебе пришлось увидеть массу ужасных вещей. Сложенные рядком и в стопку трупы в концлагерях, гибнущих в боях безусых мальчишек, лежащих в грязи погибших товарищей. Каково видеть тела своих товарищей на брезенте, и не одного, а многих?

Оказавшись дома, я все чаще и чаще задумывался о смерти. Все задумываются о ней. А потом вдруг спросил себя: а что ты, собственно, паришься? Ты не в силах повлиять на это. И все мы ходим по земле между двумя датами – предначертанными свыше датами рождения и смерти. И ни на одну из них ты повлиять не в силах. Так какого черта мучить себя? Будь что будет. С некоторых пор эти нехитрые истины и стали для меня девизом. Я войну прошел – что худшего может со мной приключиться? И постепенно перестал задумываться об этом. Будь что будет.

Там, в Европе, я пристрастился к вину. Лакал, как те джипы бензин. А вернувшись домой, и не подумал завязывать. Обе моих жены всегда сетовали на мое пьянство. Я всегда говорю: когда ФБР в 1981 году упрятало меня за решетку, оно, само того не желая, сберегло мне жизнь. Ибо в ту пору я пил восемь дней в неделю.

В тот первый после демобилизации год каких только работ я не перепробовал. Я работал на фирме «Беннет Коул энд айс» – временно, не постоянно. Развозил летом лед – в те послевоенные годы еще не у каждого был в доме холодильник. Зимой я развозил уголь по домам. Парадоксально, но факт – на своей первой в жизни работе, когда я был 7-летним мальчишкой, я выгребал золу. Теперь же я доставлял уголь. С месяц я работал в одной компании, где днями складывал в стопку мешки с цементом. Работал я и на стройке. Хватался за любую работу. Разве что банки не грабил. Работал и вышибалой, а по вторникам, пятницам и субботам натаскивал желающих по части танцев в дансинге у Вагнера. Десять лет я этим занимался.

Много я работ сменил, всего и не упомнишь. Из тех, что помню: как укладывал вышедшую из печи горячую смесь для пирога с черникой на холодный как лед алюминиевый конвейер. Чем больше я разравнивал ягоды, тем холоднее они становились перед тем, как пойти в пирог. Старший настаивал, чтобы я разравнивал усерднее. Он сказал:

– Ты немного ленишься.

Я пытался его игнорировать, а он продолжал:

– Пацан, ты слышал, что я сказал?

Я спросил, с кем он, по его мнению, разговаривает.

Он сказал:

– Пацан, я с тобой разговариваю.

Он сказал, что, если я не буду трудиться усерднее, он воткнет лопатку для разравнивания мне в задницу. Я ответил, что у меня идея получше – я воткну ему лопатку в глотку. Это был большой черный парень, и он пошел на меня. Я срубил его и положил на конвейер в бессознательном состоянии. Напихал ему ягод черники в рот. Этого было достаточно. В результате меня из цеха вывели с полицией.

После этого мать встретила с сенатором законодательного собрания штата Джимми Джаджем. Один из его братьев имел врачебную практику в Филадельфии. Другой – был важной шишкой в профсоюзе стекольщиков и вдобавок еще свободным землевладельцем и членом городского совета Кадмена. Это он в свое время пропихнул меня в компанию «Перлстейн глэсс компани». В общем, однажды утром мать сказала мне, что сенатор пообещал зачислить меня в полицию штата Пенсильвания. От меня требовалось лишь пройти медосмотр. Полагалось бы поблагодарить сенатора, но вот этого мне как раз хотелось в последнюю очередь. И я не стал к нему заходить, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Годы спустя я рассказал своему адвокату Ф. Эммету Фицпатрику об этом, и он сказал:

– Каким копом ты мог бы стать!

– Да, – ответил я, – богатым копом.

Изнасилование, насилие над детьми – за это я мог бы арестовать. А за все остальное отпускал бы по внесудебному соглашению.

Я пытался вновь стать тем добродушным парнем, которым был до войны, но у меня никак не получалось. Меня ничего не стоило довести до белого каления. В особенности если я был выпивши. Мы постоянно тусовались со старой компанией. Да и футбол помогал. Я играл блокирующим полузащитником за «Шэнахен». Мой старый кореш Янк Куинн был там квотербеком. Тогда играли в кожаных шлемах, но из-за слишком большой головы я не надевал его и играл в вязаной шапочке. Не подумайте, что это был кураж, нет, просто ничего не мог отыскать подходящего для своей репы. Не сомневаюсь, что, появившись я на свет в другое время, я бы связал жизнь с американским футболом. Я не был великаном. Я был проворен, ловок и силен, к тому же неплохо соображал в игре. Всех, с кем я играл, кроме одного, уже нет на свете. Как я уже говорил – все мы гости в этом мире, просто не знаем, когда уйдем из него. Как все молодые, я считал, что молодость не закончится никогда.

Однажды наша компашка в полном составе отправилась сдавать кровь (10 баксов за пинту), чтобы таким образом разжиться деньгами на пиво. По пути назад мы увидели рекламную вывеску, сообщавшую о карнавале. И там объявлялось, что, дескать, тому, кто побьет в боксерском поединке (3 раунда) специально дрессированного кенгуру, полагается приз в 100 долларов. Мы решили завернуть на этот карнавал.

На ринг выпустили кенгуру в боксерских перчатках. Ребята уговорили меня сразиться с ним. Передние лапы у кенгуру короткие, и я рассчитывал быстренько отправить его в нокаут. Мне на руки надели перчатки, и я стал наносить ему удары. Чего я не мог знать, так это что у кенгуру челюсть не такая чувствительная, как у людей, и ударом в челюсть этого зверя в нокаут не отправишь. И потом, ну кому охота издеваться над животным, поэтому ограничивался легкими ударами в корпус. Но я не учел того, что у кенгуру хорошо развиты задние лапы – и в результате он заехал мне по шее. Ничуть не хуже моего родителя в детстве. Кроме того, это животное активно пользуется хвостом при обороне. И чем сильнее становились мои удары по корпусу, тем крепче он бил меня хвостом длиной под два метра. Причем кто-то додумался нацепить боксерскую перчатку и на хвост.

Если уж быть до конца честным, я больше паялился на одну симпатичную ирландку, чем следил за поединком. Звали ее Мэри Ледди, и я не раз видел ее неподалеку от нашего дома. Но мы с ней никогда и словом не перекинулись. Вскоре она сменит фамилию на Ширан, но тогда, во время этого горе-поединка, ни она, ни я об этом и подумать не могли. Она сидела в третьем ряду и покатывалась со смеху, глядя на нас.

В перерыве между раундами мои приятели просто умирали со смеху. Но постепенно по мере схватки я стал уставать – сказало и то, что я сдал кровь, и то, что потом мы пили. У меня кружилась голова. И к тому же я представал в неприглядном виде перед девушкой в третьем ряду. И еще: я регулярно получал удары в голову, хотя пару раз сам довольно солидно заехал моему сопернику.

В перерыве между вторым и третьим раундами я спросил своих друзей:

– Кто это по башке мне бьет все время?

Мне было сказано, что судья. Он, мол, терпеть не может ирландцев. Поднявшись, я подошел к рефери и предупредил его, что, мол, если он еще раз позволит себе такое, я точно вышибу ему мозги.

– Ладно, иди и дерись, салажонок.

Теперь мне на ринге приходилось следить и за кенгуру, и за рефери. Разозлился я тогда не на шутку и сначала заехал как следует кенгуру, за что тот наградил меня ударом хвоста, а потом досталось и судье. У меня дня три голова гудела от удара хвостом. Тут друзья судьи стали выскакивать на ринг, а потом и мои друзья. Полиции пришлось попотеть, прежде чем порядок был восстановлен.

Меня притащили в Моко – так называлась городская тюрьма. В те времена полиция вела себя не столь официально, они вполне могли отдубасить тебя и тут же отпустить на все четыре стороны, в особенности если речь шла не о преступлении, а о заурядном хулиганстве. И полицейские, посчитав, что с меня хватит, отпустили меня.

Я направился напрямик к дому Мэри Ледди и постучал в дверь. В тот день мы договорились о свидании и собрались сходить на концерт джаза Эрскина Хоукинса. Мы отлично провели тогда время. Мэри была воспитана в строгом католическом духе, и я это уважал. Девушка была темноволосой, и ее ирландская мордашка была самой прелестной из всех мною виденных. А как она танцевала! Я в тот же вечер решил, что женюсь на ней. Я твердо решил жениться. Хватит с меня этих метаний – намерения мои были самыми серьезными.

Есть поговорка – мол, хорошие девочки часто влюбляются в непутевых парней. Как известно, противоположности всегда притягиваются. Мэри любила меня, а вот ее семейка терпеть меня не могла. Они считали меня, как они выражались, беспутным ирландцем, а вот себя они считали «порядочными» ирландцами. Вероятно, они видели во мне нечто такое, что, по их мнению, навредило бы их дочери, какую-то мою непредсказуемость.

Каждое воскресенье Мэри отправлялась в церковь, и я вместе с ней. Я терпел из всех сил. В 1947 году мы обвенчались в церкви Скорбящей Божьей Матери. В той самой, где я когда-то был алтарным служкой и откуда меня выставили за распитие церковного вина. Постоянной работы у меня еще не было, перебивался временной, работая у «Вагнера».

Я обошел несколько банков и взял кредит в четырех общей суммой в 100 долларов. Этого хватило на свадьбу. Потом появились коллекторы, но я убедил их, что искать меня бесполезно. Один из них добился того, что его начальство отрядило человека на поиски меня – Фрэнка Ширана – на фирму «Вагнер», где я работал. Так вышло, что первым ему попался именно я, но в лицо он меня не знал. Я предложил ему следовать за мной, дескать, сейчас я его приведу к мистеру Ширану. Я под каким-то предлогом заманил его в туалет, а там врезал в челюсть и еще куда-то. Избивать я его не стал, моей целью было убедить его, что у мистера Ширана просто нет времени встречаться с ним и с типами вроде него. Он все понял.

У Мэри была приличная работа в фармацевтическом колледже Филадельфии – она служила там секретаршей. На первых порах мы не могли позволить себе снять квартиру, поэтому, как и многие другие молодые пары, вынуждены были жить с родителями – мы поселились в доме родителей Мэри. Никому не советую идти на подобный шаг. Вечером в день свадьбы в доме родителей Мэри собрались гости – знакомые и родственники. Я был в легком подпитии и заявил во всеуслышание, что, дескать, хочу вернуть все свадебные подарки, врученные нам родственниками и знакомыми семьи Мэри. Рассуждал я так: не желаете меня, в таком случае мне не нужны ваши подарки. Так я тоже не советую никому поступать. Я все еще толком не оправился от войны.

Если верить моему досье, впервые я имел дело с судом 4 февраля 1947 года. Двое каких-то амбалов в троллейбусе то ли что-то не так сказали, то ли просто не так посмотрели на меня. В ту пору я заводился с полоборота. В общем, мы слезли, и завязалась драка. Я мигом уложил их обоих, но тут явилась полиция, и нас троих арестовали. Двое этих парней были без ума от радости, что их отпустили. Я же заявил полицейскому, что никуда не пойду, пока с ними не разделаюсь. В результате я дрался аж с тремя копами сразу. На этот раз мне приписали нарушение общественного порядка и сопротивление властям. В кармане у меня обнаружили при обыске перочинный нож. Полиция и его пустила в дело – утаивание холодного оружия. Если уж я и собрался бы обзавестись оружием, то, поверьте, уж точно не перочинным ножиком. Я заплатил штраф и был выпущен по пробации¹⁷.

¹⁷ Пробация – вид условного осуждения, при котором осужденный остается на свободе, но находится под надзором сотрудника службы условно-досрочного освобождения.

Собрав денежки, мы с Мэри вскоре ушли от ее родителей, и я стал всерьез заниматься поисками постоянной работы. Я работал на фирме «Бадд мэньюфэкчуринг», где изготавливались детали корпусов автомобилей. Условия там были адскими, воистину мясорубка. На технику безопасности вообще не обращали внимания. Время от времени кому-нибудь отрывало палец, а то и руку. Сегодня успели забыть, сколько сделали профсоюзы для улучшения условий работы на предприятиях. Мне абсолютно не хотелось жертвовать одну из своих конечностей «Бадд мэньюфэкчуринг», посему я оттуда убрался. Однако нельзя сказать, что работа там прошла для меня впустую – впоследствии, уже когда я попал в профсоюз, мне было куда легче оценить обстановку на других предприятиях.

В поисках работы я как-то шел по Гард-авеню, где расположено много мясоперерабатывающих предприятий. И увидел, как один чернокожий приволок заднюю часть туши к грузовику фирмы «Свифт мит» и погрузил ее на него. Я поинтересовался у него насчет условий работы, и он направил меня к другому парню. Тот спросил у меня, смогу ли я заниматься погрузкой мясных туш. Я три раза в неделю ходил в спортзал, где избивал огромный боксерский мешок, кроме того, поднимал штангу и играл в гандбол. Не следует забывать, что еще я учил танцам, так что закидывать туши в кузов было для меня пустяком. Так я получил работу.

Этого чернокожего звали Бадди Хоукинс. Мы с ним быстро сошлись. Каждое утро Бадди раздобывал тройную порцию виски «Олд Грэнд Дэд» и двойную порцию яблочного пирога на закуску. Бадди познакомил меня с Дасти Уилкинсоном, чернокожим боксером-тяжеловесом, который в свое время сражался на ринге против чемпиона Джерси Джо Уолкотта. Задавал он тогда перцу этому Уолкотту! Дасти был неплохим парнем, и мы с ним сдружились. И боксером он был тоже хорошим, но терпеть не мог регулярных тренировок. Работал он вышибалой в дансинге для черных «Никсон боллрум» и еще в одном баре – в баре «Ред роадстер», что на углу 10-й улицы и Уоллес-авеню. Иногда я забегал туда поболтать с Дасти и выпить на дармовщинку.

Теперь я имел постоянную работу с еженедельным расчетом, Мэри забеременела и подала заявление об уходе – мы смогли позволить себе нормальное жилье. И сняли домик в Аппер Дерби. Платили мы вполтину меньше за наем этого домика, потому что Мэри весь день присматривала за дочерью хозяйки.

Потом на свет появилась девочка – наша первая дочь, Мэри Энн. Мэри родила ее как раз в день своего рождения. Для меня это стало настоящим счастьем. И я поклялся отдавать в семью все деньги, которые заработаю. Мы с Мэри были католики и решили, что она будет рожать столько, сколько Богу угодно. Мы славно отпраздновали крестины Мэри Энн. Даже Дасти пришел, хотя в 1948 году это было в диковинку в Филадельфии. И вообще, филадельфийцы были последними, кто стал брать чернокожих игроков в футбольные команды лиги.

Какое-то время я грузил мясо на грузовики, но позже получил постоянную работу водителя грузовика в фирме «Фуд Фэйр» и вступил в профсоюз. Десять лет я там проработал. В основном перевозил курятину и мясные туши. Дасти поднатаскал меня по части того, как чуточку облапошить компанию. Цыплят я забирал себе, а вместо них клал лед – вес поддонов таким образом не уменьшался. Потом мы возле бара продавали свежую курятину по доллару за тушку прямо на улице, а прибыль делили пополам.

Чуть больше года спустя родилась вторая дочь – Пегги. Я имел постоянную работу в «Фуд Фэйр» плюс еще прикарманивал там немножко, кроме того, подрабатывал и у «Вагнера», так что перспективы семьи Ширанов были благоприятные. К тому же моя теща помогала Мэри управляться с двумя детьми.

Позже я на пару вечеров ходил в «Никсон боллрум», где мы с Дасти были за вышибал. Чернокожие девчонки так и липли ко мне, чтобы заставить своих парней приревновать ко мне. Мне приходилось улаживать всякие связанные с этим недоразумения. Однажды

Дасти подал мне идею. Он рассказал, что, дескать, пошли слухи, что якобы я побаиваюсь связываться с этими парнями. Поэтому и предпочитаю улаживать все мирным путем. И мы с Дасти заключили пари, что, мол, я буду уступать и уступать, а Дасти тем временем заключит как можно больше пари на то, что я любого из них одной левой положу. Как только пари будут заключены, Дасти подаст мне знак и я приступлю к делу. Не знаю, приходилось ли вам вырубать кого-нибудь, но лучшее место куда бить – там, где челюсть переходит в ухо. Если попасть в эту точку, то противник тут же валится вперед. И они всегда хватали меня за рубашку и рвали ее. Поэтому я даже вынужден был договориться с владельцем «Никсона», что они будут снабжать меня новыми рубашками в счет оплаты услуг. Мы с Дасти, разумеется, делили навар поровну. Только вот жаль, что долго это не продлилось – иссякло число желающих со мной сразиться.

Наша третья дочь – Долорес – родилась в 1955 году. Мы с Мэри каждое воскресенье ходили в церковь, и у детей была своя собственная месса. Она ходила и на новены¹⁸ в дни таинств. Мэри была очень заботливой, чудесной матерью. Она была тихой, спокойной женщиной, совсем как моя мать, но всю душу вкладывала в детей. Мне подобное обхождение было в диковинку – ничего подобного я в детстве не испытывал. И проявлять нежность к детям я так и не научился. Только уже к внукам. Наших детей вырастила Мэри. И надо сказать, я со своими дочерьми хлопот не имел. Причем не потому, что так уж пестовал их, а потому, что именно Мэри о них заботилась.

Иногда я брал с собой в клуб «Джонни Монка» нашу среднюю дочь, Пегги. Мэри Энн любила оставаться дома с матерью и малышкой Долорес. В клубе Джонни Монка еда всегда была отменной. Мы ходили туда встречать Новый год, хотя Мэри была равнодушна к спиртному. Она обожала организовывать пикники с детьми, и мы часто ходили в парк развлечений «Уиллоу гроу». Я не ходил с ними. Еще когда дети были поменьше, ходил, а потом нет. Пегги была мне ближе остальных, но с тех пор, как исчез Джимми, она со мной не разговаривает.

Все разом изменилось, когда я повадился в центр города. Среди водителей «Фуд Фэйр» было много итальянцев, вот с ними я похаживал в бары и рестораны в центре Филадельфии. У меня появилась другая компания – из представителей другой культуры.

Теперь я во всем этом горько раскаиваюсь. Я никогда не был тираном в семье, но семья для меня была делом второстепенным. А Мэри... Мэри была слишком добра ко мне. И в какой-то момент я понял, что и дома-то не бываю, как и мои новые приятели. Нет, деньги я приносил в семью каждую неделю. Если мне было хорошо, то и Мэри была довольна. Вот каким эгоистичным ублюдком я был. Мне казалось, вот я приношу в семью бабки и этим все должно ограничиваться. Детям я не уделял должного внимания – деньги да, их они получали, а вот внимания моего – нет. И жене я не уделял достаточно внимания. Все изменилось в 60-е годы, когда я женился во второй раз, на Айрин, с которой у нас был ребенок – моя четвертая дочь Конни. Но тогда я уже был с Хоффа и с профсоюзниками, деньги текли рекой, я был старше и поэтому больше бывал дома. Мне было ни к чему вертеться, как вошь на гребешке, я прочно сидел на своем месте.

Когда-то, в 50-е годы, мы с Мэри посмотрели фильм «В порту». Я тогда еще подумал, что ничем не хуже персонажа Марлона Брандо и что когда-нибудь я все же добьюсь своего и буду работать как член профсоюза. Профсоюз водителей мне здорово помог, когда я работал на «Фуд Фэйр». Я чувствовал себя увереннее – меня могли уволить, только если бы шеф узнал о том, что я подворовываю, и все. Ну, разумеется, если бы они точно знали, что я подворовываю, например, поймали бы меня с поличным и заимели бы доказательства».

¹⁸ Новена (лат. *novena* – «девять») – у западных христиан девятидневное моление: молитвы, совершаемые ежедневно на протяжении 9 дней по образцу девятидневного ожидания апостолами по вознесении Иисуса Христа. – *Прим. ред.*

Глава 8. Рассел Буфалино

В 1957 году тайное внезапно стало явным. Все произошло случайно, однако произошло. До 1957 года компетентные органы знали о существовании в Америке организованной сети гангстеров. Годами директор ФБР Эдгар Гувер убеждал Америку, что, дескать, ничего подобного нет, направляя все ресурсы ФБР на выявление коммунистических агентов. Но в конце концов под давлением общественности даже Гувер в 1957 году не мог больше молчать. Организация эта носила название «Коза Ностра» («Наше дело»). И название это было взято не с потолка, а мелькало в записях прослушиваемых телефонных разговоров.

По иронии судьбы, всегда чуравшийся шумихи Рассел Буфалино внес свою лепту в нежелательную огласку факта существования организованной преступности в стране. Рассел Буфалино помогал организовать знаменитую встречу «крестных отцов» со всей Америки в городке Апалачин (штат Нью-Йорк) в 1957 году. Создать эту встречу вынудила необходимость достигнуть договоренности и урегулировать все проблемы, грозившие еще большими осложнениями после октября 1957 года, когда в парикмахерской отеля «Шератон» с горячим компрессом на лице был застрелен «крестный отец» Альберт Анастасиа.

Однако встреча в Апалачине принесла больше вреда, чем пользы. Полиция города, настороженная внезапной активностью гангстеров, ворвалась в дом, где проходила эта встреча. Это случилось еще до изменения Верховным судом США законов об обысках и арестах. Арестовано было 58 самых могущественных и влиятельных главарей банд в Америке. Примерно пятидесяти остальным удалось скрыться в близлежащих лесах.

В 1957 году американцы, припав к экранам телевизоров, ежедневно получали порцию информации о бандитах, наблюдая за ходом слушаний Комиссии Макклеллана в сенате США. В прямом эфире страна своими глазами, а не через газеты, лицезрела главарей банд с пальцами, униженными перстнями с бриллиантами, в сопровождении продажных адвокатов, видела, как беспокоило они ерзают в креслах перед сенаторами и главным юридическим консультантом Робертом Кеннеди и в один голос ссылаются на Пятую поправку. Большинство из заданных им вопросов содержали обвинения в убийстве, пытках и других тяжких преступлениях. Стала расхожей фраза: «Сенатор, по совету моего адвоката я уклоняюсь от ответа на данный вопрос по причине того, что в нем содержится обвинение против меня». Разумеется, все до единого считали подобный отказ косвенным признанием вины.

Ни одно решение в «Коза Ностре» не принималось без одобрения Рассела Буфалино. Однако до пресловутого схода в Апалачине никто об этом человеке и слухом не слыхивал. В отличие от Аль Капоне и ему подобных, которые при любом удобном случае выставляли напоказ свою репутацию, тихого и незаметного Буфалино легко было принять за обычного итальянского иммигранта.

Розарио Буфалино родился на Сицилии в 1903 году. После сходки в Апалачине и слушаний Комиссии Макклеллана Министерство юстиции США едва не добилось депортации Буфалино и его ближайшего подельника Карлоса Марчелло, криминального босса Нового Орлеана. Уже имея на руках билеты на самолет и подготовив деньги к отъезду, Буфалино все же сумел оспорить в суде решение о депортации.

Не желая сражаться с Карлосом Марчелло в суде, ФБР в буквальном смысле похитило его на одной из улиц Нового Орлеана и усадило в самолет, следовавший рейсом в Гватемалу. Свидетельство о рождении Карлоса было выдано в Гватемале, таким образом, как считали в ФБР, он не обладал правами гражданина США. Кипя от негодования, Марчелло прилетел обратно в США и также сумел оспорить решение ФБР в суде.

Невзирая на давление со стороны властей, Буфалино продолжал вести дела и процветать. Отчет Комиссии по организованной преступности Пенсильвании за 1980 год под назва-

нием «Десятилетие организованной преступности» признавал: «Не существует больше ни семьи Магадино... ни семьи Дженевезе – членов перечисленных семей ныне контролирует Рассел Буфалино».

Комиссия по организованной преступности Пенсильвании назвала Буфалино негласным партнером компании «Медико индастриз» – крупнейшего поставщика боеприпасов по правительственным заказам. Рассел Буфалино имел интерес и в казино Лас-Вегаса, в целом он не особо скрывал и свои связи с кубинским диктатором Фульхенсио Батистой, свергнутым Фиделем Кастро в 1959 году. С благословения Батисты Буфалино владел ипподромом и крупнейшим казино под Гаваной. Когда Кастро изгнал гангстеров с острова, Буфалино потерял значительные средства.

В июне 1975 года, за неделю до покушения на Сэма Джанкану (Момо) в Чикаго и за месяц до исчезновения Джимми Хоффа в Детройте, во время сенатских слушаний по вопросу связей ЦРУ с организованной преступностью журнал «Тайм» писал, что ЦРУ не гнушалось услугами Рассела Буфалино при разработке секретного плана по устранению Фиделя Кастро. Комиссия сенатора Фрэнка Черча пришла к заключению, что Буфалино был частью обширного заговора с целью отравления кубинского лидера в апреле 1961 года, незадолго до высадки в заливе Свиней.

В 70-е годы Буфалино трижды освобождался от ответственности по обвинению в причастности к организованной преступности. Последнее освобождение от федерального обвинения в вымогательстве вступило в силу за неделю до исчезновения Джимми Хоффа. 25 июля 1975 года газета «Буффало ивнинг ньюс» писала: «Все произошло, как я и ожидал», – заявил Буфалино, которого обвиняют в причастности к разработанному ЦРУ плану высадки в заливе Свиней». В тот же день рочестерские газеты «Демократ» и «Кроникл» писали: «На вопрос, когда же он собирается уйти на покой, Буфалино ответил: «Я бы не прочь, да вот не получается. Мне теперь нужно расплатиться со своими адвокатами».

Подконтрольная Расселу Буфалино территория включала Пенсильванию, кроме Филадельфии, северную часть штата Нью-Йорк, в том числе Буффало, некоторые объекты в штате Флорида и в Канаде, часть Нью-Йорка и часть Нью-Джерси. Однако самое главное – у Рассела был авторитет и уважение всех до единой преступных семей в США. Кроме того, его жена Шиандра, известная как Кэрри, была родственницей мафиозной семьи Шиандра. И хотя никто из клана Шиандра не поднялся до статуса «крестного отца», члены семьи восходят к истокам возникновения американской мафии.

Считается, что главарь преступного мира Филадельфии Анжело Бруно был ближайшим другом Буфалино. Правоохранительные органы США называют Буфалино «безмолвным доном Розарио», Бруно известен как «дочиле дон» – «мягкий дон», то есть не выставивший напоказ свою ведущую роль в криминальном мире. Как и семейство Буфалино, семейство Бруно не занималось сбытом наркотиков. Из-за своей подчеркнутой «старомодности» Бруно в 1980 году пал жертвой своих ненасытных прислужников. Падение Бруно привело к затянувшейся анархии в семье, главой которой он был. Его преемник Филип Теста погиб в результате взрыва год спустя после гибели Бруно. Сменивший Тесту Мальш Ники (Николемо Скарфо) ныне отбывает сразу несколько пожизненных заключений за убийство. Он оказался жертвой обмана своего племянника, заместителя и нового босса Джона Станфа, сегодня тоже отбывающего долгий тюремный срок. Фрэнк Ширан каждый год получал от Джона Станфа поздравительную открытку на Рождество. Преемником Джона Станфа был Ральф Натале – первый босс, ставший правительственным осведомителем и давший под присягой признательные показания против своих сообщников. Фрэнк Ширан именует Филадельфию «крысятником». С другой стороны, Рассел Буфалино прожил долгую жизнь. Скончался он в глубокой старости в 1994 году в доме престарелых в возрасте 90 лет. До послед-

него дня жизни он контролировал свою семью, и в отличие от филладельфийской семьи Анжело Бруно в его адрес не прозвучало ни одного упрека даже после смерти.

По словам Фрэнка Ширана, из всех криминальных авторитетов, с которыми ему приходилось общаться, лишь Рассел Буфалино больше всего походит на образ, созданный Марлоном Брандо в «Крестном отце».

В своем отчете Комиссия Макклеллана назвала Рассела Буфалино «одним из самых безжалостных и могущественных лидеров мафии в Соединенных Штатах».

Летом 1999 года на федеральной трассе в Пенсильвании я подвез семью – мужчину, его супругу и сына – до ближайшей стоянки и заправки. Их машина остановилась на дороге в результате поломки. Мужчина этот оказался отставным начальником полиции города, где проживал Рассел Буфалино и где до сих пор живет его вдова Кэрри. Я представился бывшим прокурором и поинтересовался, не мог ли он что-нибудь рассказать о Расселе Буфалино. Ушедший на покой начальник полиции улыбнулся и сказал, «что за Расселом Буфалино если и водились делишки, то вне моей юрисдикции. Он был человеком старомодной учтивости, настоящим джентльменом. Скрамненький домик, скромненький автомобиль».

Глава 9. Сыровяленая ветчина с хлебом и домашнее вино

«День, когда я познакомился с Расселом Буфалино, изменил мою жизнь. И впоследствии, когда определенные люди видели меня в его обществе, это спасало мне жизнь, иногда буквально висевшую на волоске. К лучшему или к худшему, но встреча с Расселом Буфалино обеспечила мне в сообществе центра города место, которое мне никогда бы не занять, действуй я в одиночку. В послевоенные годы знакомство с Расселом было одним из главных событий моей жизни наряду с женитьбой и рождением дочерей.

Я возил мясо на фирме «Фуд Фэйр» в грузовике-холодильнике. Это было в середине 50-х годов, наверное, году в 1955-м. Я ехал в Сиракьюз, и по пути, в Эндикотте, штат Нью-Йорк, у меня забарахлил движок. Я заехал на стоянку грузовиков, поднял капот, и тогда подошел этот низкорослый пожилой итальянец. Он спросил:

– Тебе помочь, паренек?

Я ответил, мол, да, конечно, и он стал копаться в двигателе. По-моему, все дело было в карбюраторе. У него были свои инструменты. Я кое-как изъяснялся по-итальянски, попытался с ним говорить, пока он копался в моторе. Короче, машину он мне выправил. Когда двигатель заурчал, я вылез из кабины и пожал ему руку. Рукопожатие, надо сказать, у него было крепкое, и вышло это у него как-то душевно – мы тогда сразу друг другу понравились.

Уже потом, когда мы познакомились поближе, этот итальянец признался мне, что ему очень понравилась моя осанка и вообще манера поведения. Я признался ему, что, мол, и он мне показался человеком заметным – я подумал, что он владеет грузовой автостоянкой или чего-нибудь в этом роде, а может, и куска дороги. Но дело было даже не в этом. В Расселе было что-то от победителя, нечто заставлявшее проникнуться к нему невольным уважением. К примеру, если ты регулярно ходишь в церковь на исповедь, ты уже знаешь, чего ждать от патера. Тебе всегда хочется попасть к самому справедливому из них, кто не станет просто мотать тебе душу. Так вот в Расселе было что-то от справедливого патера. Когда мы с ним впервые обменялись рукопожатиями, я думать не мог, что этот человек сыграет такую роль в моей жизни. Но он сыграл.

Как раз тогда я вместе с друзьями-итальянцами стал заходить в центр, в клуб «Бочче» на пересечении 5-й авеню и Вашингтон-стрит. Ребята эти работали вместе со мной в «Фуд Фэйр» и большей частью жили в южных районах Филадельфии. Они и были моей новой компанией. Оттуда мы шли в ресторанчик «Френдли лаундж», владельцем которого был парень по имени Джон, а кличка у него была Тошя Бритва. Сначала я ничего не знал об этом Джоне, но кто-то из моих товарищей по работе забирал во время рейсов деньги для него. Ну, скажем, какая-нибудь официантка берет займы 100 баксов, а потом должна отдавать по 12 баксов в неделю в течение 10 недель. Если она, скажем, не могла в одну из недель отдать 12 баксов, то отдавала 2 бакса. Но за ней за эту неделю так и остаются 12 баксов. И так далее – короче, проценты нарастали. И вот эти 2 бакса считались «наваром» – в этом и состояла суть.

Вот таким манером мои товарищи по работе из «Фуд Фэйр» и отжимали бабки. Однажды меня познакомили с Тошей Бритвой, и я тоже стал этим заниматься. Это были легкие денежки, вкалывать за них не было нужды, просто нужно было только внимательно следить за теми, кто вышел из доверия. Это было задолго до появления кредитных карт, когда людям негде было перехватить денег до зарплаты. Но, строго говоря, такое отжимание бабок было незаконным – это считалось ростовщичеством, то есть деянием уголовно наказуемым.

Для меня ростовщичество было делом вполне естественным – я уже сбывал билеты футбольной лотереи в пунктах быстрого питания «Уайт Тауэр» по пути к одному здоровяку и бывшему боксеру по имени Макгрил, организатору профсоюза дальнобойщиков из моего 107-го отделения. И мои приятели-итальянцы из «Фуд Фэйр» покупали у меня лотерейные билеты. Лотерею финансировал не я, потому что вмиг прогорел бы, сорви кто-нибудь жирный куш. Макгрил этим занимался, а я получал свою долю комиссионных. Билеты я и сам покупал. А скоро начал продавать их людям в баре. Настоящих букмекеров, таких, как Тощая Бритва, не волновало, продаю ли я что-то у них в баре, – они в футбольные лотереи не вмешивались. Да и потом, все это были мелкие делишки. Тем не менее противозаконные в те времена, да и сейчас, думаю, тоже.

Как вы понимаете, Тощая Бритва вполне прибыльно занимался букмекерством и ростовщичеством. Все потому, что он умно выстроил свой бизнес, но еще и потому, что к нему на разговор заходили серьезные люди. Он производил впечатление человека солидного, и большинство держалось с ним очень почтительно. Но никому из моих приятелей-итальянцев и в голову не приходило считать его гангстером, тем более видным. Да кто бы из видных взял бы себе такую кличку?

А история клички такова: Джонни продавал живых кур, и домохозяйки, придя к нему, имели возможность выбрать курочку по вкусу прямо из клетки – клетки стояли рядом прямо в лавчонке. Когда курица была выбрана, Джонни брал опасную бритву и тут же перерезал горло курице. Италиянки забирали ее домой, там ощипывали и готовили из нее ужин.

Тощая Бритва был всеобщим любимцем и человеком с потрясающим чувством юмора. Он ко всем обращался «хрен», но у него это выходило как-то искренне и тактично, не так, как это слово используют сегодня. Он был худым как палка и ростом под 190 – все в центре считали его дылдой. Он сам чем-то походил на раскрытую опасную бритву. И вдобавок был тощим. Для преступника быть тощим – сущее благо. Если попадешься, всегда остается возможность взять на жалость, если, конечно, «дело не слишком серьезное». Если речь шла о какой-то мелочи – простят, хоть и не возлюбят, как единственного сына.

Хоть в это трудно поверить, но в те времена люди и не подозревали о какой-то там организованной преступности. Конечно, мы были наслышаны об отдельных гангстерах, например, об Аль Капоне и его банде, но о мафии в общенациональном масштабе, которая запустила руки повсюду, – об этом если и знали, то очень и очень немногие. Даже я, кто знал достаточно много, и подозревать не мог о таком. Я не знал, что соседский букмекер был повязан с вором-фортчником, промышлявшим кражей бижутерии, или с угонщиком автомобилей, или с профсоюзным боссом, или с политиком. Тогда я не знал, что, вливаясь в итальянскую общину, я мало-помалу вхожу в эту грандиозную систему. Совсем как тот строительный рабочий, имеющий дело с асбестом – не подозревая, насколько этот материал опасен, каждый день годами вдыхает его пары, и ничего, но зато потом... Никто не был заинтересован в том, чтобы эти факты становились общеизвестными.

Мои итальянцы из «Фуд Фэйр» и не подозревали, насколько важной шишкой был этот Тощая Бритва.

Беседа о том о сем за бутылочкой домашнего вина, я хвастал своим друзьям-итальянцам, как мы с Дасти наваривали на курятине. И друзья мои подсказали, как получить денежек побольше. Когда твой грузовик загружен тушами, складской управляющий опломбирует замок на холодильнике, и ты можешь отваливать. По прибытии в магазин с грузом управляющий магазином срывает пломбу, и ты перегружаешь мясо в холодильник. Если пломба сорвана, ее уже не восстановишь – то есть ты по пути в магазин к ней не прикасаешься. Срывать пломбу может только управляющий магазином. Но если день выдался ненастный или складской управляющий большой лентяй, он сам вручает тебе пломбу – мол, сам опломбируешь, ничего тебе не сделается. И ты спокойно доставляешь какому-нибудь парню, с

которым договорился, скажем, пять туш. Он развозит их по ресторанам, а вырученные за них деньги вы делите между собой. Когда ты выдал этому парню его пять туш, ты можешь навесить пломбу. Ты приезжаешь в магазин, пломба в целости и сохранности, и ее вскрывает управляющий магазином, и все лучше некуда. И ты разыгрываешь из себя отличного парня, говоришь мяснику, что, мол, сам закинешь мясо в холодильник. Входишь туда, а там на крюках висят туши в правом ряду. Ты снимаешь пять и перевешиваешь в левый ряд. А потом вместо полагающихся двадцати пяти туш ты к тем пяти, что слева, вешаешь оставшиеся у тебя двадцать. Управляющий пересчитывает – все в порядке, двадцать пять туш. И распи-сывается в их получении. Разумеется, случись учет, все вылезет наружу, но им никогда не узнать, кто виноват. Складской управляющий никогда не признается, что выдал тебе пломбу из-за того, что ему было, видите ли, лень выходить на холод.

Теоретически все должно было быть именно так, но в действительности в этом были замешаны почти все, и каждый имел свой куш, хоть и небольшой.

В войну я привык брать все, что плохо лежало, что мог утащить. Хоть брать было особо и нечего. И после войны для меня было вполне в порядке вещей урвать что-то для себя. А продать? Что я мог продать? Разве только свою собственную кровь по 10 баксов за пол-литра.

Один раз я просто утратил над собой контроль и сбыл весь груз, который вез в Атлан-тик-Сити. И навесил пломбу на замок, отдав все туши покупателю. Когда я прибыл в Атлан-тик-Сити, управляющий, сорвав пломбу, убедился, что никакого мяса там нет. Я разыграл величайшее изумление – мол, а может, ребята впопыхах просто забыли загрузить. Управ-ляющий спросил, неужели я не почувствовал, что еду порожняком. Я ответил, что, мол, у меня такой коняшка, что и не замечаешь, то ли груженым идешь, то ли пустым. После этого инцидента руководство фирмой «Фуд Фэйр» приказало смотреть за мной в оба. Но, как я уже говорил, слишком многие менеджеры были в деле.

Но все это меня не остановило. Руководство фирмы понимало, что во время моих рей-сов часть груза исчезает, но доказательств против меня не было. Они знали, что это моих рук дело, но как именно я действую, понять не могли. А уволить меня они не имели права – член профсоюза подлежит увольнению лишь в случае наличия серьезных доказательств. Доказательств не было. Да и работником я считался неплохим.

Но 5 ноября 1956 года они все же решили выступить против меня. Мне было предъяс-лено обвинение в хищениях груза при перевозках между штатами. Мой адвокат хотел, чтобы я признался и выдал сообщников. Однако я прекрасно знал, что моими сообщниками были все те люди, которых обвинение собиралось выставить свидетелями против меня. Пожелай они посадить в тюрьму меня, им пришлось бы подогнать к суду машину и увезти следом всех своих свидетелей. Засади они меня, им надо было бы сажать всех. И единственное, чего они от меня хотели, чтобы я назвал имена сообщников и меня бы отпустили. Я на это не согласился. Я не хотел выдавать людей. А всем свидетелям обвинения передал, чтобы дер-жали рот на замке. Кроме того, я нашел способ пробраться в офис фирмы и соответствующим образом подчистить бухгалтерскую документацию.

Свидетели обвинения, один за другим, ничего против меня не показали. Я обратился к адвокату, чтобы тот проверил бумаги фирмы. Обвинение было против – они утверждали, что я их подчистил. Я заявил, что это не я, другой парень, который потом сунул мне их в почтовый ящик. Судья закрыл дело и заявил, что, будь у него акции компании «Фуд Фэйр», он бы немедленно их продал. После чего уже фирма через моего адвоката предложила мне написать заявление об уходе, предлагая 25 000 долларов. Я сказал, что не могу пойти на сокращение зарплаты.

Мы решили это событие спрыснуть, и я видел, что и Тощая Бритва, да и остальные очень довольны, что я никого не заложил. Куда важнее было не выиграть дело, а никого не выдать.

Как-то в тот же период, когда я повадился в центр Филадельфии, мы иногда заходили в ресторанчик под названием «Вилла ди Рома» на 9-й улице. Однажды я увидел там того самого пожилого незнакомца, который помог мне починить грузовик на автостоянке. Поднявшись, я подошел к нему и засвидетельствовал свое почтение. Он пригласил меня за свой столик – он сидел вместе с его приятелем. Выяснилось, что этого приятеля звали Анжело Бруно, а впоследствии я узнал, что этот Анжело Бруно – босс нашего Тошей Бритвы и вообще босс всей Филадельфии и что он – негласный партнер чуть ли не везде в центре города, включая и ресторан «Вилла ди Рома».

Мы выпили с ними по бокалу вина, и Рассел сказал, что, мол, приехал в Филадельфию за хлебом с ветчиной. Этот хлеб с ветчиной и сыром моцарелла выпекается по особому рецепту. Потом просто нарезаешь его и ешь как сэндвич. Это почти сэндвич, но только «почти». Я тогда всерьез подумал, что он именно поэтому и приезжает в Филадельфию, и в следующий раз я прихватил для него с десяток батонов этого хлеба. (Еще одно доказательство моей информированности о мафии.) Он был очень мне благодарен.

Я встречал Рассела в самых разных местах даунтауна, он неизменно появлялся в обществе своего друга Анжело Бруно. Куда бы я ни ездил, я всегда захватывал для него колбаски Розелли – он всегда говорил, что навещался в Филадельфию за ними. И чем чаще я их привозил, тем чаще встречался с Расселом. Он всегда приглашал меня посидеть с ним и выпить красного вина и закусить пшеничным хлебом. Ему очень нравилось то, что я в войну побывал на Сицилии. Я рассказывал ему, что по воскресеньям в Катании макароны сушили на веревках, как белье. Иногда Рассел даже приглашал меня отобедать с ним, и тогда мы с ним даже говорили по-итальянски. Он покупал у меня за два доллара билет футбольной лотереи – просто чисто по-дружески.

Потом мои планы стать постоянным партнером в цепочке «Фуд Фэйр» внезапно рухнули. Они наняли человека из детективного агентства «Глоуб», который следил за рестораном, находившимся у них под подозрением. В конце концов они поймали парня, доставлявшего мясо. На «Фуд Фэйр» он не работал. Он просто был из тех, кто околачивается в центре города в заведении Тошей Бритвы. У него был небольшой пикапчик, груженный мясом из «Фуд Фэйр», которое я ему подогнал. И снова они ничего не смогли доказать – ну, мясо и мясо, а кто его давал и откуда оно – неизвестно. А что касалось моей причастности к этому делу – это всего лишь домыслы. Но они-то не дураки и понимали, что здесь приложил руку я. Явились однажды ко мне и сказали: пиши заявление об уходе, а мы того малого отпустим. Я запросил за увольнение 25 000 долларов, но они в ответ лишь расхохотались. Они знали, что я не захочу, чтобы парень сел, и не ошиблись. Я уволился.

А потом как-то встретились мы с Расселом в «Вилла ди Рома», и тут выяснилось, что он в курсе всего, и он мне тогда сказал, что я поступил правильно. Рассказал мне, что у этого парня жена и дети и что я правильно сделал, что не довел его до тюрьмы. Вообще-то у меня тоже были жена и дети, и я остался без работы.

Я тогда начал выполнять временные работы уже вне профсоюза. Например, кто-то из водил заболел, а ты его подменяешь. Точь-в-точь как те докеры в фильме «В порту». Несколько дней работаешь, потом несколько дней свободен и вечно в поисках постоянной работы. Но теперь рейсов «Фуд Фэйр» не было, а если ты не на колесах, как возить денежки для Тошей Бритвы или толкать лотерейные билеты для Макгрила?

При такой работе хватало времени торчать в центре города и искать, как подзаработать. Мои приятели-итальянцы из «Фуд Фэйр» всю хвастали, что я лежа выжимаю штангу в 180 кг, а стоя толкаю штангу в 124 кг строго по технике, и не один раз за подход. Однажды один тип, Эдди Рис, который промышлял подпольной лотереей, подошел ко мне и спросил, не хочу ли я подзаработать. Ему нужно было, чтоб я обстригал для него одно дельце. Короче,

дал мне пару баксов, и я должен был съездить в Джерси и последить за одним парнем, который, по словам Риса, встречался с девчонкой, родственницей Риса. Он вручил мне и ствол, чтобы я, мол, припугнул этого парня, но предупредил, чтобы я ни в коем случае не вздумал из него палить. Просто показать, и все. Вот так дела в те дни делались. Приходишь и суешь под нос ствол. Сейчас стволы не суют, а сразу используют по назначению. В те дни все хотели получить денежки здесь и сейчас. Сегодня все кругом хотят получить с тебя денежки вчера. Кое-кто сегодня сидит на игле, оттого они такие нервные. Крыша у них от наркоты едет. У половины это точно. И у их боссов тоже.

Ну, отправился я в Джерси, поговорил с тем парнем. Посоветовал ему не лезть куда не надо, а подыскать себе кого поближе. Объяснил ему, что к чему. Подробно так объяснил, доходчиво. И сразу же понял, что этот Ромео явно не расположен попусту злить меня, поэтому и пушку совать ему под нос не пришлось. Он сразу понял, что к чему.

Короче, это поручение для Эдди Риса прошло лучше некуда, и мне стали поручать подобные миссии. К примеру, сходить кое-куда и напомнить кое-кому, что, дескать, долги надо отдавать вовремя, и заодно забрать долг. Один раз Тоцая Бритва поручил мне смотаться в Атлантик-Сити и доставить оттуда одного малого, который задерживал выплату процентов по долгу. Привез я ему этого малого. На этот раз пришлось и пушку вытащить, без этого он никак не хотел сесть в машину. Он чуть не обоссался, когда я подвез его к заведению Тощей Бритвы. А Бритва просто посмотрел на него и сказал привезти денежки. Парень спросил, а как ему добираться до Атлантик-Сити, ну а Бритва посоветовал сесть на автобус.

Каждый видел, что я вполне со всем этим справлялся, и за мной закрепилась репутация человека, которому можно доверять. То, что я ушел из «Фуд Фэйр», чтоб уберечь того бедолагу от тюрьги, очень многих убедило, что я не размазня. За мной закрепилось прозвище Чич – сокращенное от Франческо, как меня, Фрэнка, величали итальянцы. Меня стали приглашать в клуб «Мессина» на углу 10-й улицы и Тэскер-стрит, закрытого заведения только для своих, где тебе подавали лучшую в мире колбасу с перцем. И в картишки там можно было перекинуться. Спокойное, тихое местечко, да вдобавок лучшая колбаса с перцем во всей Южной Филадельфии.

Пару раз, если я случайно встречал Рассела в среду, он отправлял меня домой за моей женой. Он приводил свою жену Кэрри, и мы вчетвером засиживались за ужином в «Вилла ди Рома». Среда была днем, когда ты по вечерам выходил в свет со своей женой, для твоих *cumare*, или любовниц, тот день был табу. Никто не мог себе позволить в среду вечером показаться на люди со своей *cumare*. Это было неписанным законом. Мы с Мэри провели немало приятных вечеров по средам вместе с Рассом и Кэрри.

Если никакой работы в профсоюзе не было, ноги вели меня в центр города. Там было приятно, мне нравилось. Я всегда мог посидеть со стаканчиком красного вина. Постепенно время моих отлучек из дома затягивалось, случалось, я не возвращался домой до утра. Воскресные вечера я проводил в «Лэтин Казино», очень веселом ночном клубе в Черри-Хилл, штат Нью-Джерси, где собирались все те, с кем я проводил вечера в будние дни. Там выступал и Фрэнк Синатра, и другие знаменитости. Иногда я брал с собой Мэри, но тамошняя публика была не по ней, да и нанять няню посидеть с детьми – подобную роскошь мы тогда еще просто не могли себе позволить. Мэри не раз ставила свечи в церкви, чтобы я получил постоянную работу. А я... после веселых вечеров в «Никсон боллрум» с Дасти стал залеживаться в постели до полудня, а Мэри с детьми отправлялась к мессе без меня.

Иногда и Расс звонил мне с севера штата и просил подбросить его куда-нибудь. Дела у него были повсюду – от Эндикотта до Буффало в штате Нью-Йорк, от Скрантона до Питсбурга в Пенсильвании, и в Нью-Джерси, и в самом Нью-Йорке. Мне иногда казалось, что он знал, где я, и находил меня. Мне с ним всегда нравилось, и я никогда даже десятицентовика у него не попросил. Я-то понимал, что появление в его компании шло мне только на пользу.

И даже не понимал насколько, до одного дня в ноябре 1957 года. Тогда он попросил меня отвезти его в какой-то городишко у самой границы северной части штата Нью-Йорк. Городишко этот назывался Апалачин. Расс сказал мне, что, мол, когда покончит с делами в этом Апалачине, ему надо будет ехать в Эри, штат Пенсильвания, а потом в Буффало, а уже оттуда к себе домой в Кингстон. Я довез его до дома в Апалачине. И посчитал это в порядке вещей.

На следующий день в Апалачине и состоялось это грандиозное событие – всеамериканский сход гангстеров-итальянцев. Вышло так, что полиция арестовала человек пятьдесят гангстеров со всех концов США, и одним из них оказался мой приятель Рассел Буфалино. Эта новость много дней не сходила с первых полос газет. Кричало об этом и телевидение. Оказывается, существовала мафия и ее сети опутывали всю страну. Каждый гангстер контролировал свой участок территории. Теперь до меня дошло, почему Рассел просил меня возить его по разным городам и дожидаться его в машине, пока он решал свои дела в каком-нибудь баре, ресторане или доме. Все сделки заключались с глазу на глаз, и расчет велся наличными, ничего по телефону не обсуждалось, банками тоже никто не пользовался. Рассел Буфалино был фигурой, равной Аль Капоне, а может, и покрупнее. У меня все это никак не укладывалось в голове.

Я прочел все газетные статьи. Кое-кто из этих ребят щеголял в шелковых костюмах, другие были одеты просто, как сам Рассел. Но это были люди, наделенные невиданной властью, и с такими досье, что и представить трудно. И в их досье была не мелочовка вроде оказания сопротивления полиции после рукоприкладства в троллейбусе и не кража мяса в каком-нибудь «Фуд Фэйр». Рассел Буфалино и Анжело Бруно и их партнеры занимались всеми видами преступной деятельности – от убийств, проституции и торговли наркотиками до похищения людей. Им вменялось в вину ростовщичество, подпольные казино и профсоюзный рэкет. И Рассел приезжал в Филадельфию вовсе не ради хлеба с ветчиной и не за вкусными колбасками под острым соусом от Розелли. У него были дела с Анжело Бруно, очень специфические дела.

И Рассел Буфалино был одним из главных боссов мафии, а я – его другом. Меня с ним не раз видели. Я распивал с ним вино. Был знаком с его женой. А он был знаком с моей. Он всегда спрашивал у меня, как мои дети. Мы с ним болтали по-итальянски. Я привозил для него хлеб с ветчиной и колбаски. Он галлонами дарил мне домашнее вино. Я был его шофером. И на ту встречу в Апалачине привез его тоже я.

Но после всей этой газетной шумихи я уже его в центре Филадельфии не встречал и никуда не возил. Как я понял, он избегал появляться на людях. Потом я где-то прочитал о том, что его вроде бы собрались депортировать, поскольку, когда он прибыл с Сицилии в Америку, ему было всего 40 дней от роду. Вся эта юридическая тягомотина по вопросу о депортации Рассе Буфалино тянулась аж 15 лет, и все эти годы он оставался под колпаком. В конце концов, когда он проиграл последнюю апелляцию, уже купил билеты и упаковал чемоданы, я порекомендовал ему одного адвоката, который вышел на правительство Италии, сунул кому надо лиры, и Италия отказалась Рассела Буфалино принять. Ничего не поделаешь. Разбираться с ним предстояло Америке. Рассел был очень благодарен мне за эту услугу, но когда я впервые прочел об этом в газете, то и глазам не поверил: неужели это я помог Расселу Буфалино избежать депортации?

В центре Филадельфии похаживали слухи и о том, что именно Расселу принадлежала инициатива созыва этого схода в Апалачине, во избежание гангстерских войн после произошедшего месяцем раньше убийства в Нью-Йорке босса Альберта Анастасиа, контролировавшего порт. Рассел Буфалино, тот самый человек, который починил мой забарахливший грузовик на стоянке в Эндикотте, с каждым днем невероятно разрастался в моих глазах. Очень все походило на то, что ты вдруг совершенно неожиданно свел знакомство с кем-то навроде кинозвезды. И как бы Рассел ни ненавидел всю эту шумиху вокруг своего имени,

он был самой настоящей знаменитостью, и на всякого, кто появлялся в его обществе, автоматически падал отблеск его славы.

Потом в один прекрасный день к моему столику подсел тот самый Шептун Ди Тульо и угостил стаканчиком вина. Раньше мне приходилось его видеть, но знаком я с ним не был. С Тощей Бритвой он был однофамильцем, а не родственником. Я знал, что он выбивает для Тощей Бритвы бабки, но покрупнее, чем я со своими друзьями-итальянцами. Он работал на большие рестораны и легальный бизнес, не связывался с мелкотой вроде официанток придорожных закусочных. Шептун предложил мне встретиться в «Мелроуз динер». Туда я и отправился. Людей из центра Филадельфии в «Мелроуз динер» не встретишь, это заведение для публики попроще, забегаловка. Тебе подают добрый кусок яблочного пирога с ванильным сиропом. Усевшись, Шептун спросил меня, не нужно ли мне 10 штук. Я сказал – продолжай».

Глава 10. Окончательно в центре города

«Шептун был одним из низкорослых итальянцев чуть за тридцать, коими в Южной Филадельфии хоть пруд пруди и которые пускаются во все тяжкие. Не тот Шептун, которого примерно тогда же взорвали в машине. Другой Шептун. Того, которого взорвали, я не знал, просто слышал.

В те времена я еще и слыхом не слыхивал о людях чести. Человеком чести можно стать, только пройдя специальный обряд посвящения, после чего ты переходишь в разряд неприкосновенных. Без разрешения свыше тебя никто не замочит. И все вокруг, где бы ты ни появился, выказывают тебе уважение. Ты – часть почетной организации, ее внутреннего круга. Все это распространяется только на итальянцев. Позже я настолько сблизился с Расселом, что стал выше рядового человека чести. Рассел даже сказал мне об этом. Он сказал тогда: «Никто тебя не тронет, потому что ты со мной». До сих пор помню, как он тогда ущипнул меня за щеку, добавив: «Тебе следовало бы родиться итальянцем».

Знай я в ту пору о существовании людей чести, я бы понял, что Шептун и рядом с ними не стоял. Просто ошивался в центре города как мальчик на побегушках. Он всех знал, и опыта жизни в даунтауне у него было побольше, чем у меня. Вечером по воскресеньям он посиживал с Тощей Бритвой и его женой в «Лэтин Казино». Теперь после Апалачина я уже знал, что Тошья Бритва был помощником Анжело. То есть номером вторым в Филадельфии.

Из-за совпадения фамилий Шептуну явно хотелось, чтобы его принимали за родственника другого Ди Тульо – Тощей Бритвы. Из кожи вон лез, чтобы повысить свой статус и сойти за человека чести.

Вот только изо рта у него воняло, как из помойки. Он страдал дурным запахом изо рта, могло показаться, что в желудке у него чесночные грядки. И ничто его от этого не избавляло – ни бесчисленное количество пластин мятной жвачки, ничто. Так что ему позволялось общаться с людьми лишь шепотом – никому не хотелось вдыхать этот смрад. Сам Шептун отлично понимал свой изъян и, сидя за столиком с Тощей Бритвой и его женой, редко раскрывал рот.

Слегка закусив, мы все же ушли из «Мелроуз динер» – сидеть с ним чуть ли не вплотную за маленьким столиком было неприятно. Поэтому мы решили пройтись. Шептун объяснил мне, что вложил приличные деньги в бизнес по поставке скатертей в рестораны и отели. Очень много денег, пояснил он, намного больше, чем он брал займы раньше. Он поставил все на одну карту, и теперь это могло обернуться провалом.

Поставка скатертей, в принципе, была надежным бизнесом. Фирмы, этим занимавшиеся, поставляли ресторанам и отелям свежие скатерти. Нечто вроде большой прачечной. Они забирали использованные скатерти и возвращали их выстиранными и выглаженными. Дело надежное, как лицензия на печатание денег.

Однако та фирма, в которую Шептун всадил свои деньги, переживала тогда не лучшие времена – ее конкуренты «Кадиллак лайнен сервис» в штате Делавэр из-под носа уводили почти все заказы. Если дело бы пошло так и дальше, Шептуну до гробовой доски не отбить своих денежек. Единственным более-менее надежным источником было мелкое ростовщичество, но и там прибыль запаздывала. И, вполне естественно, Шептун очень тревожился за свой заемный капитал.

Я не понимал, какое место в этой схеме отводилось мне, но терпеливо слушал. Может, он надумал отправить меня в Делавэр и показать там кое-кому пушку? Да, но за подобные услуги по десять тысяч баксов не отваливают. До Делавэра от Филадельфии всего-то чуть больше тридцати миль на юг. А в те времена десять тысяч было как пятьдесят сегодня, если не больше.

И тут он отваливает мне с ходу две тысячи.

– За что деньги? – осведомился я.

– Хочу, чтобы ты взорвал, сжег дотла, короче, сделал бы все, что тебе в голову придет, но этот «Кадиллак лайнен сервис» должен быть вне игры. Вышиби этих ублюдков из седла. И мои люди снова будут иметь заказы, и я смогу вернуть мои денежки. Я хочу, чтобы этот гребаный «Кадиллак лайнен сервис» заткнулся навеки. А не просто умолк на время. Канул бы в Лету. Чтоб о нем вообще забыли. Пусть себе отхватают свою страховку, если у них она есть, наверняка есть – они ведь евреи. И больше ни о чем таком не помышляют.

– Десять кусков, говоришь?

– Не парься. Ты еще получишь восемь, если сумеешь прикрыть их навсегда. Не хочу я, чтобы они месяца через два-три опомнились и по новой встали мне поперек дороги. Плюс потеря десяти кусков.

– А когда я смогу получить остальные восемь?

– А вот это уже от тебя зависит, Чич. Чем серьезнее им навредишь, так навредишь, чтобы они могли забыть о своем бизнесе. Навеки забыть. И чтобы я это точно знал. Хочу, чтобы ты спалил эту их прачечную. Дотла. Ты ведь был на войне и знаешь, как это делается.

– Все это звучит красиво. И по деньгам у меня нет вопросов. Я должен сперва осмотреть это место. И тогда посмотрю, что можно будет сделать.

– Чич, ты ведь был на войне. И я затащил тебя сюда в это гребаное стойло под названием «Мелроуз динер», чтобы не светиться без нужды. Потому что об этом будут знать только ты и я. И больше никто. Понимаешь, о чем я тебе толкую?

– Еще бы.

– И еще – я не хочу, чтобы ты еще кого-нибудь себе в помощники нанимал. Я слышал, что ты умеешь держать язык за зубами. Слышал, что предпочитаешь действовать в одиночку. Много хорошего о твоих делах слышал. Вот поэтому и плачу тебе серьезные бабки. Поверь, я смог бы обтяпать все за пару кусков. Так что ни слова ни Тощей Бритве, и вообще никому ни слова. До конца жизни. Понял меня? Стоит тебе рот раскрыть, и это очень плохо для тебя кончится. Понял?

– Что-то ты разнервничался, Шептун. Не доверяешь мне, так поищи кого-нибудь еще.

– Нет, нет, Чич. Просто у нас с тобой раньше дел не было. Если понадобится что-то обсудить, то только здесь. А в центре города только «привет» и «пока».

В тот вечер я сразу же отправился домой. И отдал Мэри полторы тысячи на детей. Сказал ей, что выиграл в лотерею. Один к шестистам. Она была страшно довольна и знала, что пятихатку я зажал. Мэри этим было не удивить – она привыкла получать от меня деньги, чаще всего неожиданно.

На следующее утро я поехал на «Кадиллак лайнен сервис» осмотреться. Несколько раз объехал вокруг здания, где они располагались. Потом поставил машину на другой стороне улицы, зашел внутрь и осмотрелся. Проблем с проникновением внутрь, судя по всему, не было. В те времена подобные фирмы не обзаводились сигнализацией, да и об охране тогда никто и слыхом не слыхал. Красть там было особенно нечего, так что опасаться было просто некого. Воры на такие фирмы не клюют. Фирма показалась мне довольно крупной, но и деньги мне светили тоже крупные. А не какая-то жалкая пара сотен за то, чтобы смотаться куда-нибудь поблизости и кого-нибудь припугнуть.

Потом я вернулся туда вечером – взглянуть, как все выглядит в темноте. По пути домой я обдумывал детали, а потом стал разрабатывать план, на следующий день я смотался туда еще разок и несколько раз объехал квартал. Я рассчитывал обстрелять все так, чтобы здание сгорело дотла. В этом случае я гарантированно заберу свои восемь тысяч. И сгореть все

должно было очень быстро, до приезда пожарных, так что предстояло не поскупиться на керосин.

На следующий день я заглянул во «Френдли лаундж», и Тощая Бритва сказал мне, что некто желает меня видеть в задней комнате. Мы с Бритвой прошли туда – он шел сзади. Я вошел в комнату, а там ни души. Я уже повернулся, собираясь выйти, но Тощая Бритва преградил мне дорогу. Скрестив руки на груди, уставился на меня:

– Какого черта тебя понесло на этот «Кадиллак»?

– Есть возможность срубить капусты, только и всего.

– За что?

– Провернуть одно дельце для одного парня.

– Что за парень?

– А в чем дело?

– Чич, ты мне нравишься. И Анжело ты тоже нравишься, но должен тебе кое-что объяснить. Заметили синий «Форд» – такой, как у тебя – с пенсильванскими номерами. Заметили и верзилу, который из этого «Форда» вышел. И это был ты. Все очень просто. Вот что я хотел тебе сказать. И ты правильно поступил, что не стал отпираться. Анжело хочет видеть тебя прямо сейчас.

Я шел и размышлял: что, черт возьми, все это означает? И в какое дерьмо затащил меня этот чертов Шептун.

Я вошел в «Вилла ди Рома». Анжело сидел там за своим столиком в углу. И кто, вы думаете, сидел рядом с ним? Рассел! Собственной персоной! Тут я понял, что дело очень серьезное. Во что я ввязался? И как из этого выпутаться? Это же те самые могущественные люди, о которых вопили все газеты после инцидента в Апалачине. И теперь они уже не мои друзья! Я понял, что дело нешуточное, а очень и очень серьезное. Все очень походило на заседание военного трибунала. Но трибунал этот разбирает не пустяковые самоволки ради баб, а дела посерьезнее. О дезертирстве, к примеру.

Когда я только начинал похаживать с моими итальянскими приятелями по «Фуд Фэйр» в центр города, я еще ничего не знал. Но после того, что произошло в Апалачине, и после сенатских слушаний, которые транслировали по телевидению на всю Америку, я хорошо понимал, что этих людей мне никак нельзя разочаровывать.

И тут до меня стало доходить, что в ресторане не было ни души, за исключением бармена в первом зале, и мне послышалось, как бармен стал выходить из-за стойки. Каждый звук воспринимался со странной отчетливостью – так бывает при тайной высадке десанта на пустынный берег. Все чувства обострены до предела. С пронзительной ясностью я слышал эти шаги: вот он вышел из-за стойки, потом направился к входным дверям, запер их и вывесил табличку «ЗАКРЫТО». Щелчок замка раздался эхом.

Анжело велел мне сесть.

Я сел в указанное мне кресло.

– Хорошо, так в чем дело? – начал он.

– Я должен был вывести из строя «Кадиллак».

– Для кого?

– Для Шептуна. Того, другого.

– Для Шептуна. Так он же, мать твою, в курсе всего.

– Я просто решил подзаработать.

Я посмотрел на Рассела, тот сидел с непроницаемым лицом.

– Ты знаешь, кому принадлежит «Кадиллак»?

– Да. Каким-то евреям, специализирующимся по прачечным.

– Знаешь, кому принадлежит часть этого «Кадиллака»?

– Нет.

- А я знаю.
- Знаете кому?
- Знаю. Очень хорошо знаю. Она принадлежит мне.
- Меня прошиб пот.
- Я этого не знал, мистер Бруно. Вот этого я точно не знал.
- И не удосужился проверить, прежде чем отправляться на дело?
- Я подумал, что Шептун все проверил.
- Он тебе не говорил, что это за евреи?
- Ни слова. Просто сказал, что евреи. Только и всего. Ну, я подумал, что, дескать, это евреи, которые держат прачечные.
- Что еще он тебе говорил?
- Он сказал, чтобы я никому и ничего об этом не говорил. Чтобы я действовал в одиночку. И все.
- На что угодно могу поспорить, что он тебе так и сказал. Чтобы ты был единственным, когда тебя вычислят в Делавэре. Чтобы никого с тобой больше не было.
- Так мне вернуть ему деньги?
- Не беспокойся – ему они больше не понадобятся.
- Я виноват, что не проверил. Больше такого не будет.
- Ты совершил ошибку. Не соверши ее в будущем. И скажи спасибо своему другу. Потому что, если бы не Расс, я бы тянуть с этим не стал. Выдал бы тебя этим евреям. Думаешь, они полные идиоты? Думаешь, не заметили, как ты вертелся вокруг прачечной? И не проверили?
- Я прошу меня простить. Спасибо тебе, Рассел, больше ничего подобного не повторится.
- Тогда я колебался – как мне обратиться к Расселу: то ли «мистер Буфалино», то ли как обычно – «Рассел». Я уже и так называл Анжело «мистер Бруно». А назови я Рассела «мистер Буфалино» – это уж был бы явный перебор.
- Кивнув, Рассел негромко произнес:
- Ни о чем не беспокойся. Этот Шептун все время норовит вылезти вперед. Знаю я таких – сплошные амбиции. Хотят все слопать сами, ни с кем не поделиться. Их коробит, если кто-то хоть чуть-чуть приподнялся. Он видел, что ты сидишь со мной в ресторане, пьешь со мной, ешь со мной. Со мной и моей женой. Ему это не нравилось. До жути не нравилось. Ну а теперь разберись с этим как полагается. И не затягивай. И слушайся Анжело – он знает, что делать в таких случаях.
- Тут Рассел встал из-за стола, и я услышал, как бармен открыл ему двери и Рассел вышел из ресторана.
- Анжело обратился ко мне:
- Кто еще знает об этом, кроме тебя и Шептуна?
- Ни одна живая душа.
- Отлично. Это отлично. Этот гребаный Шептун подставил тебя хуже некуда, мой юный приятель. И теперь твой долг разобраться с ним как положено.
- Я кивнул в ответ:
- Что я должен делать?
- Наклонившись ко мне, Анжело прошептал:
- Ты должен разобраться с этим до утра. Это твой шанс. Capish¹⁹?
- Capish, – еще раз кивнув, ответил я.
- Сделай то, что нужно сделать.

¹⁹ Capish – «дошло», «усек», «понял» (американское сленговое слово, происходит из итальянского языка). – Прим. ред.

Незачем было бежать и записываться в слушатели Пенсильванского университета, чтобы понять, что он имел в виду. Это как офицер приказывает тебе взять парочку немцев в плен и отвести их в наш тыл, а потом «не мешкать» с ними. И ты поступаешь с ними, как тебе велено.

Я связался с Шептуном и назначил ему вечером встречу якобы для того, чтобы обсудить предстоящее дело.

На следующее утро он стал героем первых полос газет. Его обнаружили лежащим на тротуаре. Он был застрелен в упор из пушки 32-го калибра, которую полиция обычно называет дамским пистолетом – он удобнее в обращении, легче, с меньшей, чем даже у 38-го, убойной силой, но если надо, разит наповал. Крохотная дырочка, но в нужном месте. А самое главное – куда меньше шума, чем, скажем, от 45-го. Иногда шум необходим – к примеру, днем, чтобы распугать прохожих, но бывает, что шум совершенно ни к чему – если дело ночью. К чему тревожить мирный сон горожан?

Как утверждали газеты, он пал жертвой неизвестного убийцы. Свидетелей, разумеется, никаких. И теперь, когда он лежал, растянувшись поперек тротуара, деньги ему точно были уже ни к чему. После этого я никак не мог найти «дамский пистолет», тот самый, что Эдди Райс однажды дал мне припугнуть джерсийского Ромео. Видимо, где-то потерялся.

То утро я так и просидел, уставившись в газету. Наверное, долго сидел, точно больше часа. И все думал: «А ведь это мог быть я».

Если бы не Рассел, на месте Шептуна был бы я. Шептун отлично понимал, на что шел. Я ведь ни о каких гангстерах-евреях, владельцах «Кадиллака», не знал. Я считал их просто евреями. А Шептун хотел меня подставить. Мне было уготовано стать тем самым единственным подозрительным типом, кого гангстеры-евреи засекли и немедленно прикончили, выполни я заказ. В итоге Шептун избавился бы от конкурентов, причем почти бесплатно, а гангстеры-евреи – от меня.

А вообще, выгори это дельце или нет, мне в любом случае была уготована печальная участь. И если бы не Рассел, меня просто давным-давно отправили бы в преисподнюю, и некому было бы сейчас сидеть здесь и обсуждать былое. Этому человеку я был обязан жизнью. И отнюдь не в последний раз.

Правила игры Шептун знал назубок. И нарушил их – только и всего.

Когда я в конце концов оторвал задницу от стула и отправился в «Френдли», то сразу заметил, как уважительно отнеслись ко мне сидевшие с Тошей Бритвой. Тошя Бритва поставил мне выпивку. Я пошел в «Вилла ди Рома» доложить Анжело. Он был доволен. Заказал для меня обед и предупредил, чтобы в следующий раз был осмотрительнее. И еще сказал, что Шептун знал, на что шел, и был ненасытным жадюгой.

К нам подсели еще двое. Анжело представил меня Кэппи Хофману и Вуди Вайсману. Это и были те двое евреев, с которыми Анжело держал «Кадиллак». Они были само дружелюбие, оба очень воспитанные и симпатичные. Когда Анжело ушел вместе с ними, я остался посидеть в баре в первом зале. Тот самый бармен, который вчера запирали за мной дверь, не взял с меня ни цента за выпитое мною вино. Даже официантки поняли, что все здесь меня вдруг зауважали, и стали ко мне клеиться. Всем им я отстегнул вполне приличные чаевые.

Вышло так, что за те сутки, пока я встречался с Анжело и Расселом, потом снова с Анжело, потом с Шептуном, я едва не забыл о том, что у меня есть дом, куда не мешало бы заходить. Иными словами, теперь меня как-то не тянуло домой, не то что прежде.

Стоило мне переступить черту, шагнуть в новое окружение, как время субботних исповедей кончилось. Как и воскресных богослужений, на которые мы ходили с Мэри. Все вдруг одним махом изменилось. Я все глубже и глубже погружался в жизнь даунтауна – центра Филадельфии. Я плохо поступил, что бросил тогда своих дочерей. Это было самой большой ошибкой в жизни. Но, как говорится, бросать жену и детей всегда некстати.

Я снял комнатку неподалеку от заведения Тощей Бритвы и перевез туда свой скарб. Я ходил на работу в местное отделение профсоюза, по-прежнему давал уроки танцев, но все чаще и чаще стал выполнять заказы итальянцев из центра города. Я был в деле. Я стал частью нового окружения».

Глава 11. Джимми

Вне сомнения, кое-кому нынче нелегко оценить и осмыслить взлет и падение Джимми Хоффа, считая от пика его славы и до самой его гибели – эти два десятилетия с середины 50-х по середину 70-х.

Если на пике славы он по праву считался самым выдающимся профсоюзным лидером страны, то как это воспринимается сегодня, когда большинство толком и не знает своих профсоюзных лидеров? Все эти профсоюзные дрязги? Эти бесчестные профсоюзные войны? По части популярности место профсоюзных войн ныне заняли решающие удары мастеров бейсбольного мяча и вопрос о том, сократят ли очередной бейсбольный сезон и кто станет чемпионом США по бейсболу в текущем году. Между тем за два первых послевоенных года, когда Фрэнк Ширан пребывал в поисках постоянной работы и обзавелся семьей, в стране произошло в общей сложности 8000 забастовок, охвативших 48 штатов. То есть в среднем по 160 забастовок в год на один штат США, а кроме того, были и общенациональные забастовки.

Сегодня Джимми Хоффа знают в основном потому, что он стал жертвой дерзкого похищения, самого позорного в истории Америки. И все же за двадцатилетний период не найдется американца, который не знал бы, кто такой Джимми Хоффа, как и того, кто не знал бы, кто такой Тони Сопрано. Подавляющее большинство американцев узнали бы его даже по голосу. С 1955 по 1965 год Джимми Хоффа ничуть не уступал Элвису Пресли по популярности, а с 1965 по 1975 год вполне мог потягаться по этой части с «Битлз».

Скандальную известность Джимми Хоффа обеспечило руководство победной забастовкой «Клубничных мальчиков». Его имя неотделимо от этого акта борьбы за права рабочих. В 1932 году 19-летний Хоффа работал грузчиком – за 32 цента в час разгружал фрукты и овощи на эстакадах фирмы «Крогер фуд компани» в Детройте. По 20 центов из этой суммы разрешалось тратить в кредит в магазинах фирмы «Крогер». Но и эти 32 цента рабочие получали непосредственно за погрузку или разгрузку. Ежедневно к 16.30 они должны были отчитаться о 12-часовой смене, но уходить с эстакады не разрешалось. Если грузовиков под разгрузку или нагрузку не было, грузчикам пребывание на рабочем месте не оплачивалось. Карьера самого известного лидера профсоюзов началась так. В один из нестерпимо жарких дней прибыл груз свежей клубники из Флориды. Хоффа подал сигнал, и его товарищи, которым вскоре дадут прозвище «Клубничные мальчики», отказались перегружать клубнику из Флориды в рефрижераторы. Их требование: признать их профсоюз и выполнить их требования по улучшению условий труда. Требования их включали и гарантированную почасовую оплату четырех часов в день при 12-часовой смене погрузочно-разгрузочных работ на платформе. Из страха потерять груз – день был жаркий – фирма «Крогер» пошла на уступки и приняла требования молодого рабочего Джимми Хоффа по признанию их проф-союза сроком на один год.

Джимми Хоффа, родившийся в День святого Валентина в 1913 году, был на 7 лет старше Фрэнка Ширана. Но детство и молодость обоих пришлось на годы Великой депрессии, то есть период, когда руководство фирм принимало единоличные решения, когда люди в буквальном смысле боролись за выживание, за то, чтобы не умереть с голода. Отец Джимми Хоффа, шахтер по профессии, умер, когда Джимми было 7 лет. Матери пришлось пойти работать на автозавод, чтобы прокормить детей. В возрасте 14 лет Джимми бросил школу и тоже стал работать, чтобы помочь матери.

В тот период (1932 год) победа Джимми Хоффа была событием едва ли не беспрецедентным. В том же 1932 году группа ветеранов Первой мировой войны и их тогдашний статус символизировали бессилие рабочего человека в годы мирового экономического кризиса.

В 1932 году тысячи ветеранов войны, уставших от бесконечных обещаний, маршем отправились в Вашингтон и отказались покинуть Эспланаду²⁰ до тех пор, пока не будут исполнены обещания администрации США и одобренные конгрессом льготы. Президент Эдгар Гувер приказал генералу Дугласу Макартуру разогнать протестовавших, и Макартур, восседая на белом коне, обрушил на ветеранов войны войска, танки и слезоточивый газ, даже не дав им возможность спокойно разойтись. Американские солдаты открыли огонь по бывшим солдатам своей же армии, в результате чего двое ветеранов погибли, а еще несколько получили ранения. И это всего лишь 14 лет спустя после победного завершения кровопролитной «Войны за спасение демократии»!

На следующий год фирма «Крогер» отказалась от переговоров по продлению полномочий профсоюзов. Таким образом, победа Хоффа оказалась краткосрочной. Но благодаря стойкости своих соратников по борьбе – той самой группы грузчиков, прозванных «Клубничными мальчиками», – Хоффа пригласили на работу в детройтское отделение профсоюзов водителей грузовиков. Функции Хоффа заключались в том, чтобы привлекать в профсоюз новых членов, обеспечивая таким образом рост его численности и, соответственно, расширяя возможности влиять на политику хозяев. Детройт был столицей американского автопрома. По мнению же «короля автомобилестроения» Генри Форда, «профсоюзы были наихудшим порождением цивилизации».

Надо сказать, что компании в борьбе с монстром, которым считались профсоюзы, не гнушались ничем. И большой, и малый бизнес нанимал мафию для внесения раскола в ряды профсоюзного движения, финансировал хулиганов и штрейкбрехеров, стремясь сломить волю профсоюзных лидеров.

С момента основания единственным оружием профсоюзов в переговорах с владельцами предприятий стала угроза забастовки. Забастовки же возможны там и тогда, когда достаточно большое число рабочих отказывается выйти на работу. Поскольку в период становления Хоффа как профсоюзного организатора число рабочих мест было невелико, владельцам фирм не составляло труда в любой момент выгнать недовольных за ворота и нанять вместо них куда более покладистых из числа безработных, не состоявших ни в каких профсоюзах. А когда профсоюзы выставляли пикетчиков, стремясь защититься от штрейкбрехеров, владельцы предприятий натравливали на них хулиганье, разгонявшее пикетчиков с помощью грубой силы. Нанятый владельцами сицилийский гангстер Санто Перроне в Детройте поигрывал мускулами. Перроне боролся с забастовщиками с помощью полицейских дубинок – сами же полицейские смотрели на это сквозь пальцы либо в открытую помогали штрейкбрехерам.

Как впоследствии вспоминал Хоффа, «невозможно описать сидячие забастовки, бунты, побоища, происходившие тогда в штате Мичиган, в особенности здесь, в Детройте, если ты, конечно, сам в этом не участвовал». Хоффа признавался, что «в первый год работы в отделении 299 мой череп был постоянной мишенью для ударов – мне минимум шесть раз накладывали швы. Мне в тот год раз десять крепко досталось и от штрейкбрехеров, и от полицейских».

Но, с другой стороны, и сами профсоюзы водителей грузовиков не сидели сложа руки, прибегая, если требовалось, к террористическим методам – взрывам, поджогам, избиениям и даже убийствам. Война шла не только между рабочими и предпринимателями. Нередко она вспыхивала и между соперничавшими профсоюзами, а зачастую даже внутри самого профсоюза. Печально, но преследовались рядовые члены профсоюза, призывавшие к демократизации его структуры.

²⁰ Эспланада – участок музейно-парковой зоны в центре Вашингтона, между Капитолием и памятником Вашингтону.

Альянсы, которые заключал Хоффа с гангстерами по всей стране в годы становления и укрепления его самого и руководимого им профсоюза, ныне представляют собой предмет изучения историков. Однако в 50-е годы его нечистоплотные связи только начинали вылезать наружу.

В мае 1956 года Виктор Ризель, журналист «Нью-Йорк джорнэл американ», специализировавшийся на расследованиях, пригласил на свое радиошоу членов профсоюза «Тимстеры», настроенных против Хоффа. Ризель ополчился против засевших в профсоюзах криминальных элементов. Вскоре после завершения вечерней радиопередачи Ризель вышел из знаменитого манхэттенского ресторана «Линди», расположенного на Бродвее неподалеку от Таймс-сквер. Внезапно к нему приблизился какой-то субъект и плеснул в лицо серной кислотой. В результате журналист ослеп на оба глаза. Вскоре стало очевидным, что за этим нападением стоял один из союзников Джимми Хоффа, рэкетир Джон Диогварди, или Джонни Дио. Дио было предъявлено обвинение в соучастии в тяжком преступлении, но когда непосредственного исполнителя обнаружили убитым, а другие свидетели отказались от сотрудничества с органами следствия, все обвинения с Дио сняли.

Когда ослепший Виктор Ризель появился на телеэкранах и стал призывать к реформированию профсоюзов, страна была настолько возмущена, что сенат потребовал проведения слушаний по вопросу влияния рэкетиров на профсоюзное движение в прямом эфире. Эти слушания вошли в историю как слушания Комиссии Макклеллана, во главе которой стоял сенатор от штата Арканзас Джон Макклеллан. Членами упомянутой Комиссии были будущий кандидат в президенты, сенатор США от штата Аризона Барри Голдуотер и сенатор от штата Массачусетс и будущий президент США Джон Кеннеди. Главным юридическим консультантом Комиссии Макклеллана стал младший брат Джона Кеннеди – Роберт (Бобби). В результате демонстративно непримиримой позиции, которую занял в ходе расследования Роберт Кеннеди, он стал главным врагом Джимми Хоффа.

Джонни Дио воспользовался Пятой поправкой при ответах на все вопросы, включая и вопрос о том, встречался ли он когда-либо с Джимми Хоффа. Работая в профсоюзе, Джимми Хоффа Пятой поправкой воспользоваться не мог, в противном случае ему пришлось бы расстаться с занимаемой должностью. Когда дело дошло до прослушивания записей его телефонных разговоров с Джонни Дио, Хоффа не мог припомнить, чтобы тот оказывал ему какие-то услуги. И вообще он отвечал на все вопросы уклончиво, то ссылаясь на забывчивость, то валяя дурака. Так, на очередной вопрос Бобби Кеннеди о магнитофонных записях он дал такой ответ: «Я мог бы вспомнить то, о чем вы меня спрашиваете, если бы вы помогли мне освежить мои воспоминания, потому что я не жалею о памяти, однако, к сожалению, именно этого момента припомнить не могу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.